

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Порфирий (Попов), архим.

**ЖИЗНЬ
СВ. ВАСИЛИЯ
ВЕЛИКОГО,
АРХИЕП. КЕСАРИИ
КАППАДОКИЙСКОЙ**

Душеполезное чтение, 1864, I, № 1, с. 15–54;
№ 2, с. 113–143; № 3, с. 223–260

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ.

ГЛАВА I.

Уваженіе къ св. Василию въ древней Церкви.—Знаменитость его предковъ и ихъ благочестіе.—Домашнее воспитаніе Василія у бабки Макрины.—Внушенія матери его.—Предметы обученія въ Кесарійскомъ училищѣ.—Уроки въ Константинополѣ и Аѣинахъ.—Пріемъ Василию въ аѣинскомъ училищѣ и первыя его впечатлѣнія.—Образъ жизни его здѣсь и дружба съ Григоріемъ Назіанзиномъ.—Прощаніе съ училищемъ.—Взглядъ сестры его на первыя его занятія по возвращеніи изъ Аѣинъ.—Путешествіе Василія по монастырямъ.

Св. Василій Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ пастырей Церкви, которые пользовались уваженіемъ и любовію не только при жизни своей отъ своихъ современниковъ, но и по кончинѣ своей, отъ всѣхъ, для кого дорога была св. вѣра, и кто умѣлъ цѣнить истинное благочестіе. Въ день памяти Василія обыкновенно поется такой припѣвъ на 9-й пѣсни канона: «величай душе моя во іерарсѣхъ Василія Вели-

каго, вселенныя пресвѣтлаго свѣтильника и украсившаго св. Церковь». Эти слова почти буквальное повтореніе отзыва о Василіѣ вселенскихъ соборовъ. Такъ отцы Халкидонскаго собора утвердили за нимъ названіе великаго. Отцы 2-го Константинопольскаго собора, высказавъ мысль, что у кого естество одно, у того и воля и дѣйствіе едино, прибавили: такъ насъ научилъ свѣтило вселенной, дивный Василій. Соборъ Трульскій въ 32-мъ правилѣ такъже ясно говорить, что слава Василія проишла по всей вселенной; а похвальные отзывы о немъ, встрѣчающіеся въ писаніяхъ древнихъ отцевъ и учителей, неизчислимы. Только нечестивый Евномій, аріанскій епископъ, имѣлъ безтыдство въ своихъ апологіяхъ называть Василія и хитрымъ и коварнымъ и трусливымъ и софистомъ, и смѣялся надъ тѣмъ, что онъ постоянно питался чечевицей и отъ продолжительныхъ постовъ имѣлъ на лицѣ постоянную блѣдность. Вопреки дерзкимъ ругательствамъ этого еретика, всѣ знаменитѣйшіе пастыри Церкви никогда не считали себя и способными восхвалить Василія по достоянію а),

а) Вотъ отзывъ о немъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Григорій Богословъ писалъ о себѣ, что онъ лучше всѣхъ знаетъ Василія (п. 41.), но онъ называетъ его вождемъ жизни, учителемъ догматовъ, окомъ вселенной, палатою учености и всѣмъ, что ни сказалъ бы кто прекраснаго. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорить: каждый преуспѣваетъ въ чемъ нибудь своемъ, а нѣко-

и можно сказать словами св. Григорія Божественнаго, что нѣтъ ни одной человѣческой похвалы, которая бы не приличествовала Василию, и что онъ столько усовершился во всемъ,

которые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей. Василій же столько усовершился во всемъ, что сталъ какъ бы образцевымъ произведеніемъ природы. Это именно былъ мужъ, къ которому можно примѣнить слова апостола: *былъ весьма вся, да всяко ныкія спасу*. Еще болѣе увеличиваетъ Григорій важность и значеніе Василія, когда прибавляетъ: „это былъ мужъ—единственная почти оставшаяся у насъ искра жизни и жизненная сила (п. 41). Григорій увѣряетъ еще, что всѣ слова Василія съ неимовѣрною быстротою дѣлались извѣстными во всемъ мірѣ. Вотъ собственныя выраженія Григорія, писавшаго еще въ то время, какъ самъ былъ пресвитеромъ: „я стою не на виду, многимъ неизвѣстенъ, иные почти и не знаютъ, что мною бываеъ сказано и даже проповѣдую ли я. О Василіи же много рѣчей, какъ о человѣкѣ, который извѣстенъ самъ по себѣ и по Церкви. Все сказанное имъ переходитъ въ общую извѣстность.“ Къ Василию питалъ высокое уваженіе и св. Аѳанасій Великій. Любовь послѣдняго къ первому такъ была извѣстна и несомнѣнна, что Василій съ увѣренностію напоминалъ объ ней преемнику Аѳанасію (128). А пять дошедшихъ до насъ писемъ Василія къ Аѳанасію показываютъ еще, что Василій съ довѣрчивостію предлагалъ Аѳанасію иногда свои совѣты для устройства дѣлъ церковныхъ, и видѣлъ одобрительное вниманіе къ своимъ предположеніямъ. Изъ писемъ же самаго Аѳанасія извѣстно, что онъ съ твердостію защищалъ Василія противъ подозрѣній въ неправоуміи о Св. Духѣ. Вотъ собственныя слова Аѳанасія: „наши возлюбленные братія, смотря на цѣль Василія и приспособленіе къ обстоятельствамъ, должны прославлять Господа за то, что онъ

каго, вселенныя пресвѣтлаго свѣтильника и украсившаго св. Церковь». Эти слова почти буквальное повтореніе отзыва о Василіѣ вселенскихъ соборовъ. Такъ отцы Халкидонскаго собора утвердили за нимъ названіе великаго. Отцы 2-го Константинопольскаго собора, высказавъ мысль, что у кого естество одно, у того и воля и дѣйствіе едино, прибавили: такъ насъ научилъ свѣтило вселенной, дивный Василій. Соборъ Трульскій въ 32-мъ правилѣ такъже ясно говоритъ, что слава Василія проица по всей вселенной; а похвальные отзывы о немъ, встрѣчающіеся въ писаніяхъ древнихъ отцевъ и учителей, неизчислимы. Только нечестивый Евномій, аріанскій епископъ, имѣлъ безтыдство въ своихъ апологіяхъ называть Василія и хитрымъ и коварнымъ и трусливымъ и софистомъ, и смѣялся надъ тѣмъ, что онъ постоянно питался чечевицей и отъ продолжительныхъ постовъ имѣлъ на лицѣ постоянную блѣдность. Вопреки дерзкимъ ругательствамъ этого еретика, всѣ знаменитѣйшіе пастыри Церкви никогда не считали себя и способными восхвалить Василія по достоянію а),

а) Вотъ отзывъ о немъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Григорій Богословъ писалъ о себѣ, что онъ лучше всѣхъ знаетъ Василія (п. 41.), но онъ называетъ его вождемъ жизни, учителемъ догматовъ, окомъ вселенной, палатою учености и всѣмъ, что ни сказалъ бы кто прекраснаго. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: каждый преуспѣваетъ въ чемъ нибудь своемъ, а нѣко-

и можно сказать словами св. Григорія Божественнаго, что нѣтъ ни одной человѣческой похвалы, которая бы не приличествовала Василию, и что онъ столько усовершенился во всемъ,

которые и въ нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ видовъ добродѣтелей. Василій же столько усовершенился во всемъ, что сталъ какъ бы образцевымъ произведеніемъ природы. Это именно былъ мужъ, къ которому можно примѣнить слова апостола: *былъ весьма вся, да всяко нѣкія спасу*. Еще болѣе увеличиваетъ Григорій важность и значеніе Василія, когда прибавляетъ: „это былъ мужъ—единственная почти оставшаяся у насъ искра жизни и жизненная сила (п. 41). Григорій увѣряетъ еще, что всѣ слова Василія съ неизвѣрною быстротою дѣлались извѣстными во всемъ мірѣ. Вотъ собственныя выраженія Григорія, писавшаго еще въ то время, какъ самъ былъ пресвитеромъ: „я стою не на виду, многимъ неизвѣстенъ, иные почти и не знаютъ, что мною бываетъ сказано и даже проповѣдую ли я. О Василіи же много рѣчей, какъ о человѣкѣ, который извѣстенъ самъ по себѣ и по Церкви. Все сказанное имъ переходитъ въ общую извѣстность.“ Къ Василию питалъ высокое уваженіе и св. Аѳанасій Великій. Любовь послѣдняго къ первому такъ была извѣстна и несомнѣнна, что Василій съ увѣренностію напоминалъ объ ней преемнику Аѳанасію (128). А пять дошедшихъ до насъ писемъ Василія къ Аѳанасію показываютъ еще, что Василій съ довѣрчивостію предлагалъ Аѳанасію иногда свои совѣты для устроенія дѣлъ церковныхъ, и видѣлъ одобрительное вниманіе къ своимъ предположеніямъ. Изъ писемъ же самаго Аѳанасія извѣстно, что онъ съ твердостію защищалъ Василія противъ подозрѣній въ неправомысліи о Св. Духѣ. Вотъ собственныя слова Аѳанасія: „наши возлюбленные братія, смотря на цѣль Василія и приспособленіе къ обстоятельствамъ, должны прославлять Господа за то, что онъ

что сталъ какъ бы образцовымъ произведеніемъ природы. Василія любила вся паства, уважало свѣтское правительство, даже такой императоръ, который былъ покровителемъ Аріанъ; его знакомствомъ дорожили ученые язычники, его превозносили похвалами современные ему епископы, болѣе извѣстные по своей вѣрѣ и святости жизни. Правая вѣра и добрые нравы пасомыхъ,

далъ Каппадоніи такого епископа, какого бы желала имѣть всякая страна“ (къ Палад. и Іоанну). Григорій Нисскій при всей родственной близости къ Василію, находилъ для себя всего лучшимъ называть Василія учителемъ, какъ будто это было собств. имя его брата, и въ похвальномъ своемъ словѣ сравниваетъ его съ апостоломъ Павломъ, Моисеемъ и Іоанномъ Крестителемъ. Если судить по писаніямъ Василія, то нельзя сказать, замѣчаетъ Григорій, что онъ не былъ восхищенъ и до третьяго неба; ибо онъ подобно Павлу проникъ въ тайны Божества. Ефремъ Сиринъ считалъ такъ же непременно долгомъ возвѣстить о заслугахъ Василія своимъ соотечественникомъ, и въ похвальномъ словѣ называетъ его самыми почтительными именами, примѣнительно къ духу восточнаго краснорѣчія, именно: онъ именуется его основаніемъ добродѣтелей, книгою похвалъ, жизнью чудесъ, драгоценнымъ смычкомъ духовной цѣвницы, услаждающимъ область святыхъ ангеловъ, и яслями догматовъ; кромѣ сего Ефр. говоритъ, что поелику Василій возлегалъ всегда на писаніяхъ, отдыхалъ на апостольскихъ пажитяхъ, то слово его текло какъ рѣка, и рѣчи его были подобны розѣ и лиліи, шафрану и корицѣ, что онъ возсѣдалъ въ ульяхъ добродѣтелей и выдѣлывалъ медь Божеств. и неукоризненной вѣры. Св. Софроній Іерусал. называлъ Василія славю и красотою церкви, блажен. Феодоритъ свѣтломъ вселенной, Сократъ опорю истины.

благоговѣніе и умиленность богослуженія , слава духовенства, утѣшеніе несчастныхъ, благотворительность нуждающимся всякаго рода, благосостояніе всѣхъ православныхъ церквей и взаимное единеніе самихъ епископовъ, раздѣленныхъ неосновательными подозрѣніями, все это было предметомъ самой дѣятельной заботливости Василія. Не недоставало къ славѣ имени Василіева и дарованій Св. Духа. Такъ по его молитвамъ получилъ исцѣленіе шархъ Модестъ (109 стр. похвал. с.л. Григ). О прибытіи въ Кесарію св. Ефрема Сирина, по увѣренію сего послѣдняго, Василій извѣщенъ былъ Духомъ Святымъ. Такимъ обр. если даже не признавать подлиннымъ сочиненіемъ св. Амфилохія Иконійскаго приписываемую ему жизнь Василія, которая помѣщается въ славянскихъ Четъминеяхъ, то отсюда нельзя еще заключать, что будто писатель, хотя бы это и не Амфилохій, не имѣлъ въ основаніи своихъ сказаній истиннаго преданія.

Какъ бы то ни было, мы увѣрены, что для истинныхъ чадъ правосл. церкви дороги и вожделѣнны всякія достовѣрныя сказанія о жизни и дѣяніяхъ такого великаго святителя, и потому соберемъ всѣ свѣдѣнія о немъ изъ источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Василій Великій происходилъ по отцу и по матери отъ такихъ семей, о которыхъ долгое время помнили и говорили Каппадокіяне съ ве-

ликимъ уваженіемъ и благодарностію. Григорій Богословъ не зналъ фамилій, въ которыхъ были бы столь часты примѣры военачальства, народоправленія, могущества при царскихъ дворахъ, также богатства, гражданскихъ почестей и блистательнаго краснорѣчія, какъ въ фамиліи предковъ Василія. Но по суду христіанскому всего досточестнѣе должно быть въ предкахъ Василіевыхъ ихъ глубокое благочестіе. Въ гоненіе Максиминово дѣдъ его по матери скончался мученическою смертію за имя Христова, а дѣдъ по отцѣ лишенъ былъ имѣнія и со всѣмъ своимъ семействомъ, немногими знакомыми и слугами семь лѣтъ укрывался въ лѣсу на горахъ понтійскихъ. Ихъ страданія на открытомъ воздухѣ были для нихъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ въ большемъ довольствѣ жили они до гоненія. При этомъ естественно имъ приходилось терпѣть недостатокъ и скудость въ пищѣ. Но Богъ, по молитвамъ и желанію ихъ, говоритъ св. Григорій Богословъ, посылалъ имъ впрочемъ иногда нѣчто и къ услажденію. Такъ утомленные временемъ и ослабѣвшіе отъ продолжительнаго поста и сухояденія, они пожелали однажды мясной пищи, и для сего рѣшились выйти на ловитву, но напередъ съ простотою вѣры открыли предъ Богомъ свои желанія и молитвенно вспомянули всѣ чудеса, совершенныя Моисеемъ въ пустыни аравійской. И что же? Едва только вышли на охоту, говоритъ Григорій Богословъ, вскорѣ,

невѣдомо откуда, взялись на холмахъ олени. И какіе рослые, какіе тучные, какъ охотно поспѣшающіе на закланіе! Можно было почти догадываться, что они негодуютъ, почему не прежде были вызваны. Никто не гналъ, не поуждалъ ихъ. Они связаны были молитвою и праведнымъ прошеніемъ. Послѣ сего пустытники стали еще ревностнѣе къ тому подвигу, за который получили такую награду, то есть къ молитвѣ. Эти высокія христіанскія добродѣтели: терпѣніе, вѣра, пламенная молитва, примѣръ которыхъ имѣлъ предъ своими глазами въ состояніи воспитанія отецъ Василія, по имени также Василій, переняли и къ сыну и прочимъ членамъ семейства, коихъ всѣхъ было до десяти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ были епископами, какъ Василій, Григорій и Петръ, нѣкоторые дѣвственниками, а нѣкоторые, говоритъ Григорій Богословъ, обязались и супружествомъ, впрочемъ такъ, что и супружеская жизнь не воспрепятствовала имъ наравнѣ съ первыми преуспѣть въ добродѣтели.

Старшій между братьями Василій родился въ то время, когда св. Аѳанасій уже успѣлъ стяжать себѣ славу поборника православія и уже съ годъ времени управлялъ церковію Александрійскою въ санѣ епископа (именно въ 329 году). Еще во дни младенчества тяжкая болѣзь угрожала Василію смертію, но, по молитвамъ отца, онъ вскорѣ выздоровѣлъ и былъ порученъ руковод-

ству бабки своей—Макрины, которая жила въ сельскомъ уединеніи близъ Неокесаріи. Чему и какъ она обучала своего внука, взявъ его изъ дома отеческаго въ первыя лѣта дѣтства, объ этомъ можно судить по тому, что св. Василій въ послѣдствіи, какъ на лучшее доказательство правоты своей вѣры, указывалъ на первоначальное свое воспитаніе въ дому Макрины. Вотъ его слова: «о вѣрѣ же моей какое доказательство можетъ быть яснѣе того, что воспитанъ я бабкою, блаженною женою? Говорю о знаменитой Макринѣ, отъ которой заучилъ я изреченія блаженнаго Григорія Неокесарійскаго, сохранившіяся до нея по преемству памяти, и которыя и сама она соблюдала, и во мнѣ еще съ малолѣтства впечатлѣвала, образуя меня догматами благочестія». По возвращеніи отъ бабки въ домъ родительскій, сами родители занялись образованіемъ своего сына. Отецъ Василія еще до рукоположенія во священника славился своимъ краснорѣчіемъ, а потому онъ ознакомилъ сына съ началами риторики. Но кромѣ того онъ продолжалъ и ученіе, начатое бабкою. Въ одномъ (228) письмѣ св. Василій пишетъ, что онъ въ дѣтствѣ еще слышалъ отъ своего отца о томъ, въ какомъ смыслѣ говорится, что Иисусъ Христосъ не знаетъ дня и часа кончины міра. Мать Василія Еммелія болѣе занималась образованіемъ его сердца и помогала ему при чтеніи священ. Писанія. По свидѣтельству Григорія Нисскаго,

сестра Василія — Макрина подь руководствомъ матери изучала притчи Соломоновы и такъ полюбила книгу псалмовъ, что вставала ли съ ложа, принималась ли за ученіе, отдыхала ли предь обѣдомъ и послѣ обѣда, идучи ко сну, стоя на молитвѣ, вездѣ она имѣла при себѣ псалтирь, какъ добрую спутницу, которая нигдѣ не отлучается отъ своей подруги. Также конечно мать обучала и сына. Поэтому конечно, указывая на домашнее воспитаніе, св. Василій писалъ о себѣ: я съ младенчества сталъ изучать св. Писаніе и не перемѣнилъ въ послѣдствіи мыслей о Богѣ; но то понятіе о предметахъ вѣры, какое пріобрѣлъ съ дѣтства отъ отца и матери моей и бабки Макрины, то понятіе возрастало во мнѣ, и я усовершеналъ только преподаанныя ими мнѣ начала (пис. 215).

Еще въ юношескихъ лѣтахъ ясно опредѣлилось благочестивое настроеніе Василія. По выраженію Григорія Богослова, онъ съ ревностію молодого коня стремился къ добродѣтели и не отставалъ отъ старшихъ въ высокихъ порывахъ добродѣтели. Посему родители Василія не усумнились для дальнѣйшаго образованія отправить его, несмотря на то, что онъ еще не былъ крещенъ, къ языческимъ наставникамъ. Родину Василія и мѣсто будущаго его служенія—Кесарію можно было назвать съ Григоріемъ Богословомъ митрополіею наукъ, такъ что еслибы кто лишилъ ее первенства въ наукахъ, то отнялъ

бы у нея самую лучшую ея собственность. Сюда-то, въ кесарійскія училища, послѣ домашняго образованія и отправленъ былъ Василій изъ Неокесаріи—мѣста временнаго пребыванія его родителей. Здѣсь вскорѣ превзошелъ онъ «своихъ товарищей во всякомъ родѣ свѣденій и поравнялся съ учителями, пріобрѣлъ большую славу и у простолудиновъ и у первостепенныхъ гражданъ, потому что обнаруживалъ въ себѣ ученость выше возраста и твердость права выше учености». Онъ былъ, по словамъ Григорія Богослова, риторомъ между риторамъ еще до каѳедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іереемъ для христіанъ еще до священства. Тогдашній архіепископъ кесарійскій Діаній такъже показывалъ предпочтительное расположеніе къ Василю. Въ Кесаріи же каппадокійской положилъ начало своему научному образованію и св. Григорій Богословъ и скоро замѣтилъ во вновь поступившемъ въ школу товарищѣ, по его собственному выраженію, отрѣшеніе отъ міра и пребываніе съ Богомъ, и это побудило его предпочесть Василю всѣмъ другимъ товарищамъ. Изъ Кесаріи, увлекаемый жаждою познаній, Василій отправился въ Константинополь, потому что Византія также славилась совершеннѣйшими софистами и философами,—и при естественной своей даровитости въ короткое время собралъ у нихъ все отличнѣйшее. Здѣсь однимъ изъ

учителей Василя былъ риторъ Ливаній, который любилъ своего ученика самою живѣйшею любовію. Но Аѳины—отечество Платона и Демосѳена были въ это время самою высшею обителію наукъ, куда стекались ревнители учености со всѣхъ концовъ имперіи. Въ эту эпоху, граничившую съ упадкомъ наукъ и искусствъ, умирающій ел-линизмъ напрягалъ всѣ послѣднія силы свои; здѣшніе софисты всѣми приемами своего красно-рѣчія старались привлечь къ себѣ юношество, со всѣмъ усиліемъ раскрывали изящество древнихъ произведеній поэзіи и высокое значеніе философіи, давали глубокій нравственный смыслъ самымъ безнравственнымъ миѳамъ. Въ Аѳинскомъ училищѣ нѣкоторые съ особенною ревностію занимались софистикою, имѣя въ виду главнымъ образомъ борьбу съ христіанствомъ. При всемъ этомъ въ это лучшее училище словесности, хотя и языческое, стекались дѣти и христіанскихъ родителей, подобно тому какъ нѣкогда русскіе православнаго исповѣданія отдавали дѣтей своихъ въ коллегіи іезуитовъ; въ Аѳины стремился и Василій, но съ цѣлію принести всѣ плоды образованія въ жертву евангельскому ученію. Здѣсь уже ожидалъ Василя кесарійскій пріятель и готовилъ ему въ пріемѣ доказательство истинной дружбы. Ждали здѣсь Василя и многіе другіе и притомъ съ обширными и великими надеждами; имя его еще до прибытія повторялось въ устахъ у многихъ. Но нужна была вся преду-

предительность Григорія, чтобы удовольствіе видѣть себя предметомъ общаго расположенія не было отравлено для Василя нѣкоторыми странными обрядами, которыхъ держалось тогда Аѳинское училище и которые сами собой напоминаютъ знающимъ множество дурачествъ въ средневѣковой жизни университетовъ европейскихъ. Всякій новопоступающій подвергался этимъ унижительнымъ обрядамъ и невольно дѣлался посмѣшищемъ при первой неосторожности. Для Василя, искавшаго одной истины и постоянно благоговѣйнаго, это было бы нестерпимо, и, можеть быть, онъ лучше рѣшился бы отказаться отъ мамѣренія быть аѳинскимъ студентомъ, нежели сдѣлаться предметомъ глупыхъ шалостей, какія дозволяли себѣ аѳинскіе юноши. Примѣръ этихъ шалостей св. Григорій указываетъ въ грубомъ пріемѣ всякаго, кто только являлся въ Аѳины для обученія: ученики софистовъ не только незнатнаго рода и имени, но и благородные, получившіе уже извѣстность, въ торжественномъ сопровожденіи отводили новопребывшаго чрезъ площадь въ баню, а подходя къ ней, поднимали громкій крикъ и начинали плясать какъ изступленные; за тѣмъ послѣ продолжительной пляски заставляли новичка выломать двери въ баню. Только подъ этимъ условіемъ давали новичку свободу и встрѣчали его изъ бани, какъ человѣка, съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ собратство. Зная дурныя при-

вычки своихъ товарищей, Григорій убѣдиль обходиться съ Василиемъ уважительнѣе, и слѣдствіемъ сего было то, что почти онъ одинъ изъ прибывшихъ принять былъ безъ обычныхъ дурачествъ. Кромѣ сего въ Аонахъ были и такіе изъ прежнихъ знакомыхъ и даже пріятелей Василія, которые встрѣтили его съ злобною завистию. Такъ отзывается св. Григорій о пришельцахъ Арменіи: они вскорѣ по прибытіи Василія вступили съ нимъ въ какой-то ученый споръ, въ которомъ твердо надѣялись одержать надъ нимъ верхъ и на первый разъ желали представить его челоуѣкомъ не понимающимъ самыхъ простыхъ истинъ. Не подозрѣвая низости побужденій, самъ Григорій сначала поддерживалъ сторону противниковъ Василія и, придавъ имъ силу своимъ вмѣшательствомъ, ввелъ въ битву равныя силы; но когда же замѣтилъ цѣль собесѣдованія, то какимъ-то нечаяннымъ изворотомъ далъ возможность Василию одержать побѣду надъ своими соперниками. Василій понялъ, въ чемъ дѣло, и, исполненный ревности, не прежде пересталъ поражать, по выраженію Григорія, отважныхъ смѣльчаковъ своими силлогизмами, какъ принудивъ ихъ къ совершенному бѣгству и рѣшительно взявъ надъ ними верхъ. Эти два случая убѣдили Василія въ преданности къ нему Григорія, и они постепенно тѣснѣе и тѣснѣе соединились между собою узами дружбы.

Но при всемъ видимомъ уваженіи, съ какимъ

встрѣтили Василія большая часть аѳинскихъ студентовъ, и послѣ побѣды надъ завистниками Аѳины сначала произвели на Василія непріятное впечатлѣніе. Когда, надѣясь великаго, вдругъ получаемъ ожидаемое, тогда оно кажется намъ ниже составленнаго мнѣнія. Василій подвергся, говоритъ Григорій Богословъ, именно этой человѣческой немощи, сдѣлался печалень, сталъ скорбѣть духомъ, готовъ былъ осуждать самъ себя за пріѣздъ въ Аѳины, и называлъ Аѳины обманчивымъ блаженствомъ. Приближенный другъ поспѣшилъ внушить ему въ этомъ состояніи раздумья и грусти, что ни о людяхъ, ни объ урокахъ учителей недолжно судить по первымъ впечатлѣніямъ, напоянулъ ему о томъ, что какъ характеръ человѣка можетъ быть извѣданъ не вдругъ, но только съ продолженіемъ времени, и при обращеніи совершенно короткомъ, такъ и ученость познается не по немногимъ, и не по маловажнымъ опытамъ. Напоминаніе объ этихъ простыхъ истинахъ разсѣяло большую часть скорби Василія; онъ успокоился, и около 4-хъ или 5-ти лѣтъ слушалъ уроки языческихъ учителей и аѳинскихъ софистовъ, особенно Имерія и Проэресія. О занятіяхъ Василія и успѣхахъ въ наукахъ Григорій выражается такимъ образомъ: «у него неотставали другъ отъ друга ни прилежаніе, ни даровитость, отъ которыхъ знанія и искусства получаютъ силу.... Грамматика, реторика, астрономія, философія по преимуще-

ству нравственная, музыка, физика, медицина и естественная исторія были изучены имъ съ такою основательностію, съ какою другою не изучаетъ и одного предмета; каждую изучалъ онъ до такого совершенства, какъ бы неучился ничему другому».

Когда по прошествіи нѣкотораго времени, говоритъ Григорій Богословъ, открыли мы другъ другу и желанія свои и предметъ оныхъ любо-мудріе, тогда уже стали другъ для друга все: и товарищи и соотрапезники и родные; одну имѣя цѣль, мы непрестанно возрастали въ пламенной любви другъ къ другу.... Оба мы домогались не того, чтобы которому изъ насъ самому стать первымъ, но какимъ образомъ уступить первенство другъ другу, потому что каждый изъ насъ славу друга почиталъ собственною славою. Казалось, что одна душа въ обоихъ поддерживаетъ два тѣла. И хотя не заслуживаютъ вѣроятія утверждающіе, что все разлито во всемъ, однакоже должно повѣрить намъ, что мы были одинъ въ другомъ и одинъ у другаго. У обоихъ насъ одно было упражненіе—добродѣтель, и одно усиліе до отшествія отсюда, отрѣшаясь отъ здѣшняго, жить для будущихъ надеждъ. Къ сей цѣли мы направляли всю жизнь и дѣятельность и поощряли другъ друга къ добродѣтели... Мы вели дружбу и съ товарищами; но не съ наглыми, а цѣломудренными, не съ задорными, а съ миролюбивыми, съ которыми можно было не

безъ пользы сойтись. Ибо мы знали, что легче заимствовать порокъ, нежели передать добродѣтель, такъ какъ скорѣе можно заразиться болѣзнію, нежели сообщить другому свое здоровье. Что касается до уроковъ, то мы не столько любили пріятнѣйшіе, сколько совершеннѣйшіе. Намъ извѣстны были двѣ дороги: одна — это первая и превосходнѣйшая—вела къ нашимъ священнымъ храмамъ, куда ходили по преимуществу слушать христіанскія наставленія, другая вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги на праздники, въ зрѣлища, въ народныя стеченія на пиршества предоставляли желающимъ. Ибо вниманія достойнымъ не почитали того, что не ведетъ къ добродѣтели, и недѣлаеть лучшимъ своего любителя. У другихъ бывають иныя прозванія, или отцевскія или свои, по роду собственнаго званія и занятія: но у насъ одно великое дѣло и имя—быть и именоваться христіанами... Для другихъ душепагубны Аѳины, потому что изобилуютъ худымъ богатствомъ—идолами, которыхъ тамъ больше, нежели въ цѣлой Элладѣ, такъ что трудно не увлечься за другими, которые ихъ защищаютъ и хвалятъ; однако же небыло отъ нихъ никакого вреда для насъ съ Василиемъ. Напротивъ того, живя въ Аѳинахъ, мы утвердились въ вѣрѣ, потому что узнали обманчивость и лживость идоловъ, и тамъ научились презирать демоновъ, гдѣ имъ удивляются; и ежели дѣйствительно есть, или только

въ народномъ вѣрованіи, существуетъ такая рѣка, которая сладка, когда течетъ и чрезъ море, и такое животное, которое прыгаетъ въ огнѣ всеистребляющемъ: то мы походили на это въ кругу своихъ сверстниковъ.... Чрезъ сіе самое пріобрѣли мы не только извѣстность у своихъ наставниковъ и товарищей, но и въ цѣлой Элладѣ, особенно у знатнѣйшихъ мужей Эллады. Слухъ о насъ доходилъ и за предѣлы ея, какъ дѣлалось это явно изъ разсказа о томъ многихъ. Ибо кто только зналъ Аонины, тотъ слышалъ и говорилъ о нашихъ наставникахъ, а кто зналъ нашихъ наставниковъ, тотъ слышалъ и говорилъ о насъ».

Къ концу 5-лѣтняго пребыванія въ Аонинахъ Василій достигъ 25 лѣтняго возраста. Надобно было возвращаться на родину. Насталъ день отъѣзда и, какъ обыкновенно бываетъ при отъѣздахъ, начались, говорить Григоріи Богословъ, прощальныя рѣчи, проводы, упраниванія, остатся, рыданія, объятія, слезы. Василія и Григорія окружила толпа друзей и сверстниковъ, между ними были и нѣкоторые и изъ учителей; тѣ и другіе увѣряли, что ни подъ какимъ видомъ не отпустятъ ихъ изъ Аонинъ, и послѣ просьбъ и убѣжденій прибѣгли даже и къ мѣрамъ принудительнымъ. Григоріи не могъ отказать такимъ живымъ и искреннимъ выраженіямъ душевной къ нему пріязни. Василій остался непреклоннымъ, и удерживавшіе противъ воли согласились на

его отъѣздъ. Онъ возвращался, по словамъ Григорія Богослова, какъ корабль, столько нагруженный ученостію, сколько сіе вмѣстительно для человѣческой природы. Но при всемъ этомъ хотѣлъ еще ознакомиться съ философіей Евстафія, вѣроятно, ученика Ямвлихова, своего соотечественника; впрочемъ не напелъ его ни въ Константинополь, ни въ Кесаріи и принужденъ былъ отказаться отъ своего желанія.

По возвращеніи въ домъ родительскій Василю самому предстояло теперь званіе учителя: и Кесарія и Неокесарія убѣдительно просили Василю принять на себя образованіе юношества. Изъ Неокесаріи явилось къ ученику Ливанія съ этимъ предложеніемъ посольство изъ почетныхъ гражданъ и всѣ, толпою окруживши его, употребляли всѣ возможныя убѣжденія, высказывали многія и очень лестныя обѣщанія, но онъ не принялъ предложеній. Отечественному же городу не могъ отказать въ подобной просьбѣ. Платя дань міру, далъ нѣсколько публичныхъ чтеній въ кесарійской школѣ, и эти чтенія сопровождались шумными рукоплесканіями. Но послѣ этихъ опытовъ блистательнаго краснорѣчія родная сестра Василя—строгая дѣвственница и подвижница Макрина, стала думать, что аонинская ученость породила въ ея братѣ излишнее о себѣ мнѣніе; въ надеждѣ смирить это самомнѣніе, она вмѣстѣ съ матерію поспѣшила оторвать своего брата отъ обольстительнаго по ея мнѣнію поприща. Отецъ Василя

скончался года за три до возвращенія его изъ Аѳинъ ; внушенія любимой и старшей сестры, подкрѣпляемая совѣтомъ матери и именемъ почившаго отца, должны были сильно подѣйствовать на душу Василія, да и самъ по себѣ онъ не имѣлъ расположенія жить для зрѣлища или на показъ, и не дорожилъ рукоплесканіями своихъ учениковъ и слушателей; итакъ вскорѣ отказался онъ отъ публичныхъ чтеній, а вскорѣ за симъ поспѣшилъ очистить себя отъ всѣхъ грѣховъ, принявъ святое крещеніе, вѣроятно, отъ кесарійскаго архіепископа Діанія.

Образъ жизни и занятій послѣ крещенія предначертанъ былъ по взаимному совѣщанію съ Григоріемъ еще въ Аѳинахъ. Именно еще здѣсь они изъявили рѣшительное желаніе по возвращеніи изъ Аѳинъ посвятить себя монашеской жизни въ какой нибудь пустынѣ и никогда не разлучаться другъ съ другомъ. Теперь надлежало только позаботиться объ исполненіи обѣщанія, высказаннаго другу. Но Григорій сверхъ всякаго ожиданія прислалъ письмо, въ которомъ читались такія слова: «признаюсь, измѣнилъ я обѣщанію жить и любомудрствовать вмѣстѣ съ тобою, какъ далъ слово еще въ Аѳинахъ во время тамошней дружбы и тамошняго сліянія сердець. Но измѣнилъ не добровольно, а потому что законъ, повелѣвающій прислуживать родителямъ, превозмогъ надъ закономъ товарищества и взаимной привычки. Впрочемъ и въ этомъ не измѣню совершенно, если

ты будешь согласенъ на тоже самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты самъ благоволишь навѣщать меня, чтобы все было у насъ общее и права дружбы остались равночестными». Тяжело было слышать о такой перемѣнѣ мыслей, но нельзя было осуждать за нее, по уваженію къ долгу дѣтей въ отношеніи къ родителямъ. При томъ письменныя сношенія показали, что только на время отлагаетъ Григорій исполненіе своего обѣщанія. Оставленный другомъ Василій почелъ за нужное предварительно посѣтить палестинскихъ и египетскихъ пустынножителей для того, какъ самъ говоритъ, чтобы научиться отъ нихъ, какъ не заботиться о мірской жизни и не вдаваться душею ни въ какое пристрастіе (пис. 45). 357 годъ весь прошелъ въ путешествіяхъ уже не для научнаго образованія, какъ прежде, но для изученія жизни подвижнической. Александрія, Оиваида, Келесирія, Месопотамія представили ему множество примѣровъ изумительнаго самоотверженія, неутомимыхъ молитвъ и подвиговъ любви. Въ его душѣ совершенно утвердилось желаніе подражать житію такихъ людей, каковы были сѣявшіе въ то время въ мірѣ иноческомъ Пахомій, два Макарія, Пафнутій и сонмы ихъ сподвижниковъ. Къ тому же онъ не терялъ еще надежды на то, что и Григорія въ непродолжительномъ времени привлечетъ на свою сторону. Но и рассказы о впечатлѣніяхъ, какія произвело на Василія путешествіе по иноческимъ пустынямъ,

не могли отклонить Григорія отъ попеченія о родителяхъ, нуждавшихся въ его содѣйствіи. Василій одинъ рѣшился принять на себя всѣ заботы объ устроеніи монастыря и предначати подвижнической жизни, по примѣру видѣнныхъ имъ пустынножителей. Его бесѣды съ неокесарійцами и кападокійцами вскорѣ нашли ему подражателей и соучастниковъ въ образѣ жизни.

Г Л А В А II.

Мѣстоположеніе пустыни Василіевой. — Отвѣтъ Григорія Божьего на приглашеніе въ эту пустыню. — Занятія Василія въ пустынѣ и отзывъ Григорія о здѣшней жизни. — Первые подвиги ревности Василія въ борьбѣ съ аріанами. — Противодѣйствіе его замысламъ Юліана. — Посвященіе Василія во пресвитера и письмо къ нему по сему случаю Григорія. — Огорченія Василію со стороны кесарійскаго епископа. — Противодѣйствіе Василія аріанамъ, покушавшимся ввести свою ересь въ Кесарію. — Заботливость Василія о своихъ пасомыхъ во время голода и о присоединеніи къ православной церкви полуаріанъ.

Въ Понтѣ, не вдалекѣ отъ Неокесаріи и Чернаго моря, на дикихъ берегахъ рѣки Ириса, въ своихъ собственныхъ дачахъ жили благочестивая Еммелія, мать Василія, и святая Макрина, сестра его, окруженныя соборомъ женщинъ, давшихъ обѣтъ безбрачной жизни. Протизоноложная берегу гора, заросшая густымъ лѣсомъ, представ-

ляла всѣ удобства для основанія мужскаго монастыря. Здѣсь и поселился Василій съ учениками, которые прежде другихъ вняли его увѣщаніямъ и совѣтамъ. Избранное мѣсто вполне соответствовало его желаніямъ. Почему въ одномъ изъ писемъ къ Григорію живописно изображая свою пустыню, эту колыбель восточнаго монашества, онъ шутливо смѣялся надъ Тивериномъ, мѣстопребываніемъ Григорія, загороднымъ селеніемъ близъ Назіанза.

Вотъ извлеченіе изъ этого замѣчательнаго письма: « Пора уже мнѣ удалиться въ Понтъ, гдѣ напоследокъ, если угодно Богу, положу, можетъ быть, конецъ своему скитанію. Съ трудомъ отказавшись отъ напрасныхъ надеждъ, какія имѣлъ нѣкогда на тебя, иду теперь въ Понтъ учиться, какъ жить. Здѣсь конечно указываетъ мнѣ Богъ мѣсто, въ точности соответствующее моему праву. Это высокая гора, покрытая частымъ лѣсомъ, на сѣверной сторонѣ орошаемая холодными и прозрачными водами, но подъ горою стелется покатая долина непрестанно утучняемая влагами изъ горы. Кругомъ долины самъ собою выросшій лѣсъ, изъ различныхъ всякаго рода деревьевъ, служитъ ей какъбы оградой. Съ двухъ сторонъ прорыты глубокіе овраги, а съ боку рѣка служитъ также непрерывной и неприступной стѣной. Поелику же гора тянется въ обѣ стороны и луковидными изгибами примыкаетъ къ оврагамъ, то доступы въ подгорье заграждены.

Одинъ только есть въ него входъ, которымъ владѣемъ мы. За мѣстомъ нашего жительства есть другой гребень, возвышенную свою вершину подъемлющій надъ горою, и съ него вся вершина развертывается передъ взоромъ. Съ высоты можно видѣть и текущую мимо равнины рѣку; эта рѣка, будучи быстрѣе всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, свирѣпѣетъ нѣсколько при сосѣднемъ утесѣ, и отражаясь отъ онаго, кружится въ глубокомъ водоворотѣ, чѣмъ доставляетъ мнѣ и всякому зрителю весьма пріятный видъ; въ пучинахъ своихъ она питаетъ и неизчислимое множество рыбъ. Нужно ли говорить о земной прохладѣ, о вѣтеркахъ съ рѣки? Множеству цвѣтовъ, и нѣвчихъ птицъ пусть дивится кто другой, а у меня нѣтъ досужаго времени обращать на это вниманіе. Изъ всего, что могу сказать о своемъ убѣжищѣ, наиболѣе важно то, что по удобству положенія будучи способно произращать всякіе плоды, для меня оно возвращаетъ сладотнѣйшій изъ плодовъ-безмолвіе, потому что не только освобождаетъ отъ городскихъ мятежей, но и не заводитъ къ намъ ни одного путника, кромѣ встрѣчающихся съ нами на звѣриной ловлѣ. Ибо сверхъ всего прочаго здѣсь водятся и звѣри, впрочемъ не медвѣди или волки, какъ у васъ въ Тиверинѣ; нѣтъ, здѣсь живутъ стада оленей, дикихъ козъ, зайцы и тому под. Поэтому разсуди, какой опасности подвергся бы я скудоумный, еслибы подобное убѣжище упорно вздумалъ промѣнять на

Тиверинъ—эту земную пропасть». Такое поэтическое описаніе ясно свидѣтельствуешь о глубокомъ сочувствіи автора шестоднева къ красотамъ мѣстоположеній, но не могло привлечь Григорія. Григоріи хотя и сильно желалъ побывать въ пустынь Василіевой, но взаимно шутя надъ разборчивостію мѣсть, подавалъ видъ, что письмо Василіево нѣсколько показалось ему страннымъ. «Положеніе мѣста, писалъ онъ, не много значить и неможетъ въ душѣ моей произвести скольконибудь влеченія къ тому, чтобы жить съ вами вмѣстѣ, пока не узнаю чегонибудь о вашемъ образѣ жизни и о препровожденіи у васъ времени». Кромѣ сего Григорій дозволилъ себѣ посмѣяться надъ описаніемъ выбраннаго мѣста для монастыря. Вотъ его собственныя слова: «въ правду или шутку ты смѣнешся и чернишь все наше...; я же буду дивиться твоему Понту и понтійскому сумраку, этому жилищу достойному бѣглецовъ, этимъ висящимъ надъ головой гребнямъ и дикимъ звѣрямъ, этой лежащей въ низу пустынькѣ или кротовой норѣ, съ почетными именами: обители, монастыря и училища, этимъ лѣсамъ дикихъ растений, этому вѣнцу стремистыхъ горъ, которымъ вы не увѣнчаны, но заперты. Буду дивится тому, что въ мѣру у васъ воздухъ и въ рѣдкость солнце, которое какъбы сквозь дымъ видите вы, понтійскіе киммеріане, люди безсолнечные, не на шестимѣсячную только осужденные ночь, но даже никогда въ жизни небывающіе безъ тѣни, люди

у которыхъ цѣлая жизнь одна длинная ночь.... Рѣка у васъ велика и стремительна, непреходима, мутна и негодна для питья, въ одномъ только снисходительна, что неunosить вашей обители, когда горные потоки и ненастья приводятъ ее въ ярость. Невыхляйи мнѣ и тѣхъ луковидныхъ изгибовъ, которые больше подавляютъ, нежели ограждаютъ подходъ въ ваше подгорье, не хвали мнѣ и этихъ провѣвающихъ вѣтерковъ, и этой земной прохлады, которые освѣжаютъ васъ утомленныхъ до омраченія, не хвали и пѣвчихъ птицъ, которыя хотя воспѣваютъ, но голодъ, хотя порхаютъ, но въ пустынѣ. Никто къ вамъ не заходитъ, развѣ для того, какъ говоришь ты, чтобы погонятся за звѣрями, присовокупи же къ этому, и посмотриѣть на васъ, живыхъ мертвецовъ»... Такъ дружески и простосердечно осмѣивалъ сначала святой Григорій мѣстозоложеніе Василіева монастыря. Но занятія Василія имѣли высокую важность, и онъ съ твердою увѣренностію ожидалъ отъ устройства своей пустыни великихъ и благотворныхъ послѣдствій и для себя и для другихъ. Еслибы онъ вздумалъ устроить монастырь въ лѣтахъ старческихъ, послѣ того какъ почувствовалъ или утомленіе отъ трудовъ по дѣламъ обширной митрополіи, или крайнюю суетность земной славы и почестей, съ которыми и тогда соединялось высокое служеніе Археіерейское; еслибы въ то время принялся за устройство монастырей, то стремленіе его къ аскетизму было

бы не такъ удивительно. Но Василій всею душею предался заботамъ о заведеніи монастырскаго братства по особому чину, въ лѣтахъ еще юношескихъ и немедленно по совершеніи ученыхъ путешествій во всѣ знаменитыя школы, послѣ блистательнаго окончанія курса наукъ. Посему нельзя не благоговѣть предъ такимъ основателемъ монастырской общины. Въ своей пустынѣ святой Василій занимался часто и учеными трудами, каково изъясненіе Писанія и чтеніе предшествовавшихъ ему по времени отцевъ и писателей церковныхъ, о чемъ свидѣтельствуется составленная въ это время книга подъ названіемъ: *Добротолубіе*. А это еще болѣе можетъ мирить историковъ съ взглядомъ Василія на аскетическую жизнь. Если бы онъ искалъ уединенія изъ одной любви къ подвижничеству: то нельзя было ничѣмъ объяснить несоразмѣрности его всесторонняго образованія съ избраннымъ родомъ жизни. Но теперь это затрудненіе совершенно исчезаетъ.

Василій не провелъ еще и трехъ лѣтъ въ своей пустынѣ, какъ «эта лежащая внизу пустынька, по выраженію Григорія Богослова, кротова нора», получила уже почетныя названія: обители, монастыря, училища. Уже эти одни названія приводятъ къ мысли, что къ концу 3-хъ лѣтнихъ своихъ аскетическихъ подвиговъ, Василій успѣлъ собрать вокругъ себя большое количество людей, которые хотѣли подражать его образу жизни и

руководствоваться его наставленіями. Недовольствуясь тѣмъ, что многіе изъ каппадокійцевъ изъ-являли готовность раздѣлять съ нимъ подвижническіе труды по одному слуху о его образѣ жизни, Василій, по словамъ Руфина, и самъ обтекалъ многіе села и города и своею вдохновенною проповѣдію воспламенялъ лѣнивыхъ и беспечныхъ понтійцевъ до такого самоотверженія, что они наперерывъ повергали предъ своимъ учителемъ часть своихъ имѣній, оставляя всѣ мірскія почести, и давали обѣтъ жить только для Бога. Множество учениковъ, приходившихъ въ пустыню къ Василію, побудило его положить начало жизни киновитовъ, т. е. такихъ монаховъ, которые въ отличіе отъ еремитовъ — уединяющихся жили бы въ сообществѣ другъ съ другомъ и могли оказывать пособіе другъ другу. Новое письмо Василія къ Григорію, гдѣ основатель понтійской пустыни съ довольною подробностію изложилъ правила подвижнической жизни, принятыя имъ для монастыря, описалъ внѣшнюю жизнь своихъ подвижниковъ и напоянулъ о пользѣ уединенія, чтенія писаній и молитвы, подѣйствовало на Григорія гораздо сильнѣе; онъ захотѣлъ посмотрѣть вновь устроенный монастырь и посѣтивъ Василія съ его братствомъ, немогъ отыскать достойныхъ похвалъ введенному здѣсь образу жизни. Вотъ собственное его признаніе въ томъ: «Что прежде писалъ я о понтійскомъ препровожденіи времени, то была шутка, а не правда;

а что пишу теперь, то уже очень правда. Кто мя устроить по мѣсяцамъ прежнихъ дней, въ которые я увеселялся съ тобою злостраданіемъ? Кто дасть мнѣ сіи псалмопѣнія, бдѣнія и молитвенныя къ Богу преселенія? Кто дасть жизнь какъбы невестественную и безплотную? Кто дасть согласіе и единодушіе братій, которыхъ ты ведешь на высоту и къ обоженію? Кто дасть соревнованіе и поощреніе къ добродѣтели, которое мы ограждали письменными уставами и правилами? Кто дасть поденныя и ручныя работы—переноску дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе растеній? Кто дасть этотъ золотой яворъ, подъ которымъ сиживаль не царь пресыщенный, но монахъ изнуренный, который насадилъ я, напоилъ Аполмосъ или твоя пречестность, а возрастилъ Богъ къ моей чести, чтобы сохранился онъ у васъ памятникомъ моего трудолюбія? Легче пожелать всего этого, но не такъ легко получить сіе... Охраняй же меня своими молитвами, чтобы неразсѣяться мнѣ по немногу, какъ разсѣвается тѣнь съ преклоненіемъ дня. А я тобою дышу болѣе, нежели воздухомъ, и тѣмъ единственно живу, что бываю ли съ тобою вмѣстѣ или розно, но мысленно всегда неразлученъ». Такъ сильно желалъ св. Григорій поселиться въ пустыньъ Василиевой, и подчиниться всѣмъ правиламъ его обители. Это тѣмъ удивительнѣе, что угощеніе, предложенное Григорію при посѣщеніи Василія, было очень скудное, и что онъ раздѣлялъ здѣсь

съ Григоріемъ труды не высокіе и даже такіе, которые не называютъ благородными. Хижина, въ которой жилъ Василій, не имѣла ни порядочныхъ дверей, ни огня, ни кровли; это былъ, по выраженію Григорія, кровъ безъ крыши и дверей, очагъ безъ огня и дыма, и стѣны высушенныя на огнѣ. За трапезой подавалось правда и горячее какое-то кушанье, но съ такимъ хлѣбомъ, по кускамъ котораго, отъ крайней его черствости или сухости, зубы сначала скользили, а потомъ вязли въ нихъ и съ трудомъ вытаскивались, какъ изъ болота. Все это слова самаго Григорія. Слѣдствіемъ же сего сухояденія были такія страданія, отъ которыхъ если бы избавила дорогаго гостя великая ницелюбица, мать Василія, и не принесла съ собою болѣе вкусныхъ и питательныхъ печеній, то можно было бы опасаться за здоровье юныхъ друзей подвижниковъ. Кромѣ общихъ молитвъ, чтеній св. Писанія, ученыхъ трудовъ, были и другія занятія, переноска дровъ, тесаніе камней, сажаніе и поливаніе; въ придачу къ этому на собственныхъ же своихъ плечахъ Григорій и Василій возили въ огороды телегу величиною съ гору, а эта телега наполнена была навозомъ. Всѣ эти обстоятельства конечно достаточно характеризуютъ направленіе Василія, занятаго устройствомъ своей обители. Если припомнимъ, что его правила для иноковъ стали впослѣдствіи закономъ для всего монашества восточнаго, то ясна будетъ и причина, почему съ такою подроб-

ностию собраны здѣсь свѣденія о занятіяхъ св. Василія по окончаніи курса наукъ въ Аоинахъ.

Сколь ни пріятны были для Василія заботы объ устроеніи монастыря, но по нуждамъ Вселенской церкви, онъ долженъ былъ прерывать пустынные занятія и предпринимать отдаленныя путешествія даже за предѣлы своего отечества. Весьма вѣроятно, что юнаго пустынника посѣщали въ его уединеніи нѣкоторые епископы, отправлявшіеся на соборы по случаю различныхъ смуть церковныхъ. Они сообщали ему достовѣрныя извѣстія о современномъ состояніи православія, о замыслахъ Аріанъ, и вызывали его на борьбу съ врагами, возмущавшими покой церкви. Такъ онъ еще въ качествѣ чтеца церкви Кесарійской присутствовалъ на томъ самомъ Константинопольскомъ соборѣ въ 360 году, на которомъ усиленно подвизался за православіе Иларій Поатьерскій, и подобно Иларію не только въ Константинополь, но и въ окрестностяхъ его Халкидонѣ и Гераклеѣ съ искусствомъ и силою защищалъ истину въ спорахъ съ еретиками. Какъ сильно ревновалъ онъ теперь о чистотѣ вѣры и какъ глубоко понималъ догматы ея, видно и изъ того, что по возвращеніи съ собора, онъ прервалъ общеніе съ своимъ епископомъ Діаніемъ, подписавшимся подъ двусмысленнымъ аріанскимъ символомъ. Естественно можно было опасаться, что подобное дѣйствіе сочтено будетъ непокорностию и даже возмущеніемъ противъ

епископа; но ревность по истинѣ не позволяла Василию принимать на себя ложный видъ. Послѣ обличенія епископа въ неправославіи онъ не находилъ удобнымъ жить среди своего братства. Посему онъ удалился на короткое время въ Назіанзъ, но и отсюда вразумлялъ своихъ понтіійскихъ иноковъ посланіями, въ которыхъ излагалъ истинное ученіе о спорномъ догматѣ; важнѣйшее же соч. написанное около этого времени было опроверженіе апологіи Евноміевой, это самое лучшее пособіе для тогдашнихъ христіанъ въ спорѣ съ Аріанами. Поэтому-то и говоритъ Созомень, что Василій еще въ царствованіе Констанція славился какъ ревностный защитникъ православія противъ послѣдователей Арія.

Въ царствованіе Юліана Василій, по свидѣтельству тогоже Созомена, ходя вездѣ, всенародно и открыто убѣждалъ христіанъ держаться своихъ догматовъ, не оскверняться языческими жертвами и возліянiями, и ни во что вмѣнять даруемыя отъ царя почести. Изъ этихъ сказаній Созомена о Василіѣ можно съ вѣроятностію заключить, что Василій, и по возобновленіи своего общенія съ епископомъ Діаніемъ, не могъ подолгу жить въ своей мирной обители, хотя ожидалъ и искалъ здѣсь полнаго успокоенія. Частыя отлучки изъ монастыря дѣйствительно были необходимы по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Юліанъ въ наказаніе за разрушеніе языческаго

храма Счастія наложилъ на христіанъ кесарійскихъ тяжкую пеню и всѣхъ клириковъ приказалъ внести въ списокъ областного войска, въ которомъ служба почиталась самою убыточною и низкою (Созом. 5, 4.); кромѣ сего онъ съ клятвою угрожалъ, что если Кесар. христіане не воздвигнутъ капище, онъ не согласится оставить головы на ихъ плечахъ. Зная обо всемъ этомъ, св. Василій и письменно увѣрялъ друзей своихъ, что замыслы отступника скоро разрушатся, и сравнивалъ его возвышеніе съ болиголовомъ или волчьимъ корнемъ и другими ядовитыми растеніями, которыя не долго цвѣтутъ и скоро засыхаютъ.

Чѣмъ усильнѣе заботился Василій о распространеніи монашества, чѣмъ ревностнѣе противодействовалъ замысламъ и Аріанъ и Юліана, тѣмъ съ большею надеждою смотрѣлъ на него преемникъ Діанія Евсевій, особенно при новыхъ покушеніяхъ Аріанъ при Валентѣ. Не смотря на желаніе Василія проводить жизнь въ своей уединенной пустынѣ, въ 364 году Евсевій рукоположилъ Василія въ пресвитера, и заставилъ его жить при своемъ архіерейскомъ домѣ. Состояніе духа Василіева послѣ этого разлученія съ пустынею было такъ неспокойно, что нужно было утѣшеніе со стороны друзей. И Григорій Назіанзинъ не замедлилъ утѣшить новопоставленнаго пресвитера. Онъ писалъ Василію слѣдующее: «и ты взятъ въ плѣнъ, какъ и я,

включенъ въ списокъ; оба мы принужденно возведены на степень пресвитерства, хотя добивались и не этого, ибо достовѣрнѣе всякаго другаго можемъ засвидѣтельствовать мы другъ о другѣ, что намъ по сердцу любомудріе тихое, которое держится низу. Но хотя можетъ быть и лучше было бы, если бы не случилось съ нами этого, однако же, поелику случилось это, надобно терпѣть, особенно принявъ во вниманіе время, которое у насъ развязало языки многимъ еретикамъ, надобно терпѣть и не посрамить какъ надежду возложившихъ на насъ свое упованіе, такъ и собственную жизнь свою». Дѣйствительно Василій покорился призванію и всѣ свои силы посвящалъ трудамъ пресвитерск. служенія, особенно проповѣданію слова Божія; его бесѣды на шестодневъ, на псалмы и другія относятся къ этому именно времени. Въ санѣ пресвитера не оставилъ Василій попеченія и объ инокахъ имъ собранныхъ, какъ это видно изъ наставительныхъ къ нимъ писемъ; но кромѣ сего у него было много и другихъ заботъ, по которымъ онъ отказывался теперь даже отъ переписки съ прежними друзьями (п. 20.). А при этомъ на новомъ поприщѣ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе, какимъ не пользовался и самъ архіепископъ, еще не довольно опытный въ дѣлахъ церковныхъ, такъ какъ онъ избранъ былъ на престолъ Кесарійскій изъ оглашенныхъ (Гр. Б. п. 88.). Но едва прошелъ годъ его пресвитерства, какъ епископъ Евсевій,

находившійся въ подозрѣніи у народа, завидуя славѣ Василія, сталъ притѣснять и оскорблять его. Охлажденіе любви между епископомъ и пресвитеромъ было весьма замѣтно и для постороннихъ. Иноки приняли сторону своего настоятеля и отваживались на самое опасное дѣло, замыслили отдѣлиться отъ своего епископа, отсѣкши и не малую часть народа изъ низкаго и высокаго сословія. Желая предотвратить такое возмущеніе, Василій, по совѣту Григорія Богослова, вмѣстѣ съ нимъ предался бѣгству и удалился изъ Кесаріи въ свою мирную пустыню.

Слухъ о томъ, что императоръ Валентъ ведетъ съ собою аріанскихъ епископовъ, чтобы водворить и въ Кесаріи злочестивое ученіе, и письма Григорія, отца Григорія Назіанзина, вскорѣ впрочемъ расположили Евсевія къ примиренію съ Василіемъ; желаніе примиренія было такъ сильно, что Евсевій первый рѣшился писать просительное и пригласительное письмо къ изобиженному пресвитеру. Но миролюбивый пустынный, узнавъ о перемѣнѣ мыслей и расположенія Евсевія, хотѣлъ совершенно побѣдить любовію и великодушіемъ своего врага; по совѣту Григорія, Василій самъ пришелъ въ Кесарію прежде еписк. приглашенія. Возвращеніе его было какъ нельзя болѣе кстати и во время; это потому, что скопище еретиковъ уже напало на кесарійскую церковь и одни изъ нихъ уже явились, и производили безпокойство, а другіе обѣщали явиться,

много полагаясь на неопытность тогдашняго предстоятеля (Похв. сл. Гр.). Василій вскорѣ даль узнать имъ, какъ напрасна была ихъ надежда. И въ настоящемъ случаѣ въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ Василія, ревности объ истинѣ, по словамъ Григорія Богослова, соотвѣтствовали твердость воли и благоразуміе. Но въ чемъ именно состояла дѣятельность Василія въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ пресвит. его служенія, неизвѣстно. Указаніе на это заключается только въ слѣдующихъ общихъ выраженіяхъ друга Василіева. «Тотчасъ по узнаніи опасности, говоритъ Григорій, Василій отправляется со мною изъ Понта, дѣлается добровольнымъ споборникомъ истины и самъ себя предаетъ на служеніе матери Церкви, .. примиряется, подаетъ совѣты, приводитъ въ порядокъ воинство, уничтожаетъ встрѣчающіяся препятствія, преткновенія и все то, на что положившись, противники воздвигли на насъ брань. Одно пріемлетъ, другое удерживаетъ, а иное отражаетъ. Для однихъ онъ твердая стѣна и оплотъ, для другихъ млатъ, сотрыющій камень. Съ сего времени и церковное правленіе перешло къ Василію, хотя по каедрѣ занималъ онъ второе мѣсто. Ибо былъ у предстоятеля всѣмъ добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ предстателемъ, истолкователемъ Божія слова, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорой вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. А въ отноше-

часть 1.

ніяхъ его къ Евсевию было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, а другой управляющимъ. Василиій уподоблялся укротителю львовъ, своимъ искусствомъ смиряя властителя, который имѣлъ нужду въ руководствѣ и поддержкѣ, потому что показывалъ еще въ себѣ нѣкоторые слѣды мірскихъ привычекъ, и не утвердился въ духовномъ». «Но много, продолжаетъ Григорій, и другихъ доказательствъ Василиевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смѣлость Василия предъ начальниками, какъ вообще предъ всѣми, такъ и самыми сильными въ городѣ, его рѣшенія распрей, чрезъ употребленія обратившіяся въ законъ; его предстательство за нуждающихся, большею частію въ дѣлахъ духовныхъ, а иногда и въ плотскихъ, препитаніе нищихъ, страннопріимство, попеченіе о дѣвахъ, чиноположеніе молитвъ, т. е. вѣроятно литургія извѣстная подъ именемъ Василия Великаго; благоуукрашеніе олтаря и многое иное, чѣмъ только Божій воистину человекъ можетъ быть полезнымъ народу».

Не въ общихъ выраженіяхъ, но съ подробностію рассказалъ Григорію только о подвигѣ благотворительности Василия во время пресвитерства при открывшемся сильномъ голодѣ. Это было въ 368 г. Весь городъ изнемогалъ отъ постигшей засухи, ни откуда небыло ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла. Самъ Василиій

яркими красками описаль это общественное бѣдствіе. Вотъ его слова: «зима по сухости своей неимѣла обычной ей мокроты, но оковала льдомъ и изсушила всю влагу. Весна хотя показала теплоту, но не пріобщицась влажности. Отъ сильной засухи земля разсѣлась трещинами, обильные и неизсыхающіе источники оскудѣли, потоки большихъ рѣкъ до того изсякли, что малыя дѣти могли переходить ихъ на своихъ ногахъ. Въ поляхъ засѣянныхъ иныя сѣмена засохли до восхода, а другія и давъ зелень жалкимъ образомъ увяли отъ зноя; посему съ наступленіемъ обычныхъ дней жатвы, можно было сказать вопреки евангелію: дѣлателей мною, а жатвы нѣтъ ни малой. Земледѣльцы, сидя на нивахъ и сложивъ руки на колѣнахъ (обыкновенное положеніе сѣтующихъ), горько оплакивають напрасно потерянные труды свои, посмотрятъ на молодыхъ дѣтей и начнутъ рыдать, устремятъ взоръ на женъ и зальются слезами, потрогають и пощупають сухія листья взошедшихъ стеблей и громко зарыдають». Всего несноснѣе въ подобныхъ случаяхъ безчувственность и ненасытность богатей. Они хотѣли извлекать прибитокъ изъ скудости, собирать жатву съ бѣдствій. Василій въ это время былъ обремененъ скорбію по случаю кончины своей матери, равныхъ которой по достоинствамъ (какъ писалъ одному епископу) невидѣлъ въ оставшихся; кромѣ сего онъ былъ въ изнеможеніи оскудѣвающихъ силъ и только

съ часу на часъ ожидалъ неминуемаго конца жизни; при всемъ этомъ Василій неоставилъ свою паству безъ утѣшенія. Онъ собралъ въ одно мѣсто изнемогавшихъ отъ голода, иныхъ даже едва дышавшихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, (черезъ служителей) приказалъ выставить котлы полные овощей и соленыхъ припасовъ, и своими руками раздалъ хлѣбъ, похлебку большей части требующихъ, и нѣкоторымъ притомъ не погнушался омывать ноги, на угощеніе голодавшихъ употребилъ большую часть имущества, оставнагося послѣ матери; его благотвореніями пользовались въ сіе время даже и дѣти Іудеевъ. Вслѣдъ за этимъ угощеніемъ онъ сказалъ сильное и трогательное слово, въ которомъ доказывалъ, что отъ того изсохла земля, что изсякла любовь, и что немногіе принимали участіе съ нимъ въ церковныхъ молитвахъ, да и изъ тѣхъ, которые приходили въ церковь, многіе зѣвали, непрестанно оборачивались и наблюдали, скоро ли псалмопѣвецъ окончитъ стихословіе, и скоро ли они освободятся изъ церкви, какъ изъ училища, и отъ молитвы, какъ отъ неволи». Такъ какъ увѣщаніе къ благотворительности было подкрѣплено живымъ примѣромъ проповѣдника, то богачи послѣ сего отворили свои житницы и доставили пропитаніе изнемогавшимъ отъ голода.

Св. Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ Василію говоритъ только о пресвитер. трудахъ

и заботахъ его, относящихся до кесарійской папсты. Письма же самого Василія содержатъ довольно ясное указаніе и на внѣшнія сношенія церкви кесарійской, предпріятыя по его ревности и вліянію: эти сношенія еще болѣе объясняютъ то мѣсто изъ похвальнаго слова Василію, въ коемъ сказано, что со времени примиренія Евсевія съ Василіемъ церковь православная дѣйствительно перешла къ послѣднему. Вотъ свѣденія, какія передаетъ объ этомъ предметѣ Василій въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ: еще въ санѣ пресвитерскомъ самымъ сильнымъ и искреннимъ желаніемъ его было присоединеніе къ Церкви тѣхъ полуаріанъ, которые начинали искать союза съ православными, когда увидѣли, что Валентъ никого не терпитъ, кромѣ аріанъ. Ему сильно хотѣлось еще соединить между собою раздѣленныхъ взаимными недоразумѣніями и недовѣрчивостію православныхъ архипастырей, каковы были Аѳанасій александрійскій и Мелетій антиохійскій, и утвердить союзъ между восточными и западными церквами; извѣстно, что западные въ царств. Валента не оказывали восточнымъ никакого вспоможенія въ борьбѣ съ аріанствомъ, тогда какъ при ихъ болѣе дѣятельномъ содѣйствіи скорѣе можно было низложить аріанъ, или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ силу. Для первой цѣли Василію нужно было или отправиться самому, или послать довѣренныхъ на соборъ въ Ламсакъ,

куда собралися полуаріанскіе епископы для уничтоженія опредѣленія того константинопольскаго собора, бывшаго въ 360 г., на коемъ постановлено исповѣдывать Сына Божія, какъ хотѣлось полуаріанамъ, только подобнымъ Отцу по писаніямъ. Василій избралъ послѣднее; въ Лампсакъ (п. 215) отправились другъ его Евстаѳій и многіе другіе, и они были напутствованы въ Евсевоѣ продолжительнымъ разсужденіемъ о вѣрѣ, которое тогда же записано было скорописцами. Свѣденій о томъ, что во время пресвитерства сдѣлано для соглашенія двухъ архипастырей, не осталось ни какихъ. Но по отношенію къ послѣдней цѣли, т. е. вразумленію западныхъ еписк., обстоятельства устроились такъ благопріятно для Василія, что друзьямъ его, тремъ епископамъ, поручено было войти въ сношеніе съ тогдашнимъ папою Ливеріемъ и просить помощи у западн. императора. Въ слѣдствіе сего общеніе съ римскою церковію получено и съ радостно открыто на соборѣ Тіанскомъ, который состоялся подъ предсѣдательствомъ Евсевія кесарійскаго. Но дѣянія сего собора не дошли до насъ.

(Продолженіе будетъ).

Архимандритъ Порфирій.

Ж И З Н Ъ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ а).

Г Л А В А Ш.

Избраніе Василя въ епископа кесарійскаго. — Состояніе церковей каппадокійскихъ въ это время. — Примиреніе съ Василиемъ дяди его и другихъ епископовъ. — Письма Василя къ епископамъ. — Усиленіе аrianства. — Просительныя письма о помощи къ западнымъ епископамъ. — Объясненіе Василя съ префектомъ Модестомъ. — Прибытіе въ Кесарію императора Валента и бесѣда съ нимъ Василя въ алтарѣ. — Приговоръ къ изгнанію Василя изъ Кесаріи и отмѣненіе сего приговора. — Новыя нападенія аrianъ на церкви каппадокійскія при намѣстникѣ Димосѣенѣ. — Усиленная просьба Василя къ западнымъ епископамъ о содѣйствіи восточной Церкви въ борьбѣ съ аrianами. — Причины, по которымъ не оказано было испрашиваемое содѣйствіе.

Къ концу шестилѣтняго пресвитерскаго служенія умеръ кесарійскій архіепископъ Евсевій, и самъ Василій подвергся такой тяжкой болѣзни, что ожидалъ себѣ скорой смерти. Посему вызывалъ къ себѣ друга своего Григорія только для того, чтобы передать ему свою послѣднюю волю (Похв. сл. Григ.). Но сверхъ всякаго ожиданія,

а) Начало см. въ январской книжкѣ Душеп. Чтенія.
часть 1.

какъ только начали проходить болѣзненные припадки, епископы, собравшись въ Кесарію, по случаю смерти Евсевія, предоставили больному Василию полное управленіе кесарійскою Церковію. Это было сдѣлано главнымъ образомъ по настоянію назіанзскаго епископа, отца Григоріева. Впрочемъ только завистники и самыя перочныя граждане неохотно соглашались на избраніе Василія въ епископа. Причина же, по которой они не изъявляли согласія, вовсе не заслуживала уваженія, тѣмъ болѣе, что, возводя Василія на степень епископа, нужно было только *de jure* сдѣлать его тѣмъ, чѣмъ давно онъ былъ уже *de facto*. Они указывали на болѣзненное состояніе Василія. «Но вы избираете не борца, а учителя, съ силою отвѣчалъ на это епископамъ отецъ Григорія Богослова. Я увѣренъ, что есть и другіе, достойные предстоятельствовать у васъ, но никого изъ уважаемыхъ вами не могу предпочесть боголюбимѣйшему сыну нашему, пресвитеру Василию, мужу (говорю это предъ свидѣтелемъ Богомъ), и въ жизни и въ ученіи достигшему чистоты болѣе всякаго другаго; онъ вполне способенъ противостать нынѣшнему времени и преобладающему языкоболію еретиковъ» (Григ. Бог. п. 34.). И Евсевію самосатскому тотъ же Григорій писалъ: «еслибы сподобились мы предоставить епископскую кафедру Василию, то знаю, что приобрѣли бы великое дерзновеніе предъ Богомъ и сдѣлали бы великое благодѣяніе пригласившему насъ народу» (п. 36.).

Дѣйствительно, самыя событія скоро для всѣхъ сдѣлали явнымъ, что предоставленное Василию высокое служеніе было дѣломъ не человѣческой милости, но Божія промысленія о Церкви. «Удостоенный предсѣдательства, Василій не только ничѣмъ не посрамилъ ни своего любомудрія, ни надежды ввѣрившихъ ему служеніе, но еще оказывался, по выраженію Григорія Богослова, непрестанно превосходящимъ самого себя, потому что получилъ большой кругъ дѣйствій и при власти нанелъ больше предметовъ, гдѣ показать себя. Быть не худымъ, продолжаетъ Григорій, или сколько ни есть, и какъ ни есть, добрымъ, онъ почиталъ добродѣтелию частнаго человѣка, а въ начальникѣ и предстоителѣ, по его суду, и то уже порокъ, если онъ не оказывается постоянно лучшимъ и лучшимъ, и если не соразмѣряетъ добродѣтели съ саномъ и высокостію престола». Въ письмахъ, писанныхъ Василиемъ во время его епископства, онъ нерѣдко и въ сильныхъ выраженіяхъ упоминалъ о множествѣ дѣлъ и заботъ, обременявшихъ его до расслабленія силъ. «Такъ много у меня дѣлъ, говоритъ наприм. въ одномъ письмѣ, и такъ они необычайны, что нужно было бы вести ежедневную исторію, которую и составилъ бы я, если бы непрерывность событій не отвлекала меня отъ моего намѣренія». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ еще: «велико число облежавшихъ меня дѣлъ, тысячами заботъ объята у меня мысль, и только

кратковременное отдохновеніе я могу улучшить отъ постоянныхъ моихъ недосуговъ». Но до насъ дошли только отрывочныя свѣденія о тѣхъ мѣрахъ, какія онъ употреблялъ, для умиренія недовольныхъ имъ епископовъ, для прекращенія беспорядковъ между кесарійскимъ духовенствомъ и для противодѣйствія коварнымъ замысламъ аріанъ, которые нападали какъ на его митрополию, такъ и на другія восточныя церкви. Изъ изложенія сихъ-то сохранившихся свѣденій и слагается историческая жизнь Василія Великаго, какъ архіепископа кесарійскаго.

Церкви зависѣвшія отъ митрополиі кесарійской, по словамъ самого Василія, — въ началѣ его епископства находились въ такомъ же почти худомъ состояніи, какъ и его тѣло (п. 30 къ Евсевию). Недоброжелательные люди причинили ему много огорченій, и даже произвели раздѣленіе въ Церкви каппадокійской тотчасъ, какъ только удалились изъ Кесаріи епископы, болѣе другихъ благопріятствовавшіе Василію, именно Евсевій самосатскій и Григорій назіанзскій. Молва неблагопріятная для Василія быстро распространилась и въ отдаленныхъ странахъ, и вредныя послѣдствія угрожали не одному или двумъ, но цѣлымъ городамъ и народамъ (п. 59.). Даже какой-то дядя Василія, епископъ Григорій, не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія. Отъ епископа Воспорія Василій получилъ извѣстіе о томъ, что нѣкоторые обвиняли его въ чрезмѣрной стро-

ГОСТИ КЪ УКЛОНИВШИМСЯ ОТЪ ПРАВОСЛАВІЯ И КЛЕВЕТАЛИ НА НЕГО, БУДТО ОНЪ, ЕЩЕ БУДУЧИ СВЯЩЕННИКОМЪ, ЕПИСКОПА СВОЕГО ДІАНІЯ ПРЕДАТЬ ПРОКЛЯТІЮ ЗА ТО, ЧТО ПОСЛѢДНІЙ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ ПОДПИСАТЬ ЕРЕТИЧЕСКОЕ ИСПОВѢДАНІЕ ВѢРЫ. ИЗВѢСТІЕ ЭТО ТАКЪ ОБЕЗПОКОИЛО ВАСИЛІЯ, ЧТО ВЪ СЛѢДУЮЩУЮ ЗА ТѢМЪ НОЧЬ ОНЪ НЕМОГЪ ЗАСНУТЬ, ПО СОБСТВЕННЫМЪ ЕГО СЛОВАМЪ, НИ НА МИНУТУ. ДРУГІЕ ЖЕ ВРАГИ ВАСИЛІЯ НАЗЫВАЛИ ЕГО НАПРОТИВЪ СЛИЧНОМЪ СНИСХОДИТЕЛЬНЫМЪ КЪ НЕПРАВОМЫСЛЯЩИМЪ, ПОТОМУ ЧТО ОНЪ СБЛИЖАЛСЯ СЪ ПОЛУАРИАНАМИ. У КЕСАРІЙСКАГО АРХІЕПИСКОПА БЫЛО ВЪ ПОДЧИНЕНІИ 50 ХОРЕПИСКОПОВЪ. ПО ТОГДАШНИМЪ ЦЕРКОВНЫМЪ ПРАВИЛАМЪ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ СЪ СОГЛАСІЯ АРХІЕПИСКОПА НАЗНАЧАТЬ НА ПРАЗДНЫЯ ВАКАНСІИ КЛИРИКОВЪ. НО ОНИ ВЪЗЯЛИ НА СЕБЯ ВСЕ ПОЛНОМОЧІЕ И НОВОМУ АРХИПАСТЫРЮ ДАЖЕ НЕ ДОНОСИЛИ О ТОМЪ, КОГО ВОЗВОДИЛИ НА ЦЕРКОВНЫЯ СТЕПЕНИ; ДОЗВОЛЯЛИ ПРЕСВИТЕРАМЪ И ДІАКОНАМЪ ПРИЧИСЛЯТЬ КЪ КЛИРУ ЛЮДЕЙ НЕДОСТОЙНЫХЪ, ПО ПРИСТРАСТІЮ, ПО РОДСТВУ ИЛИ ПО КАКИМЪ НИБУДЬ ДРУЖЕСКИМЪ СВЯЗЯМЪ. БЫЛИ И ТАКІЕ ХОРЕПИСКОПЫ, КОТОРЫЕ БРАЛИ ДЕНЬГИ СЪ РУКОПОЛАГАЕМЫХЪ И НАЗЫВАЛИ ЭТО БЕЗГРѢШНЫМЪ, ПОТОМУ ЧТО БРАЛИ ДЕНЬГИ НЕ ДО РУКОПОЛОЖЕНІЯ, НО ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ.

ДЛЯ ПРИМИРЕНІЯ СЪ НЕДОВОЛЬНЫМИ ЕПИСКОПАМИ, ВАСИЛІЙ НЕ ПРИБѢГАЛЪ КЪ УГОДЛИВОСТИ ИЛИ ХИТРОСТИ (ПОХВ. СЛ. ГР.); ОНЪ ИСКУСНО УМѢЛЪ РАСТВОРЯТЬ ТВЕРДОСТЬ СЪ УСТУПЧИВОСТІЮ. КОГДА НЕЛЬЗЯ БЫЛО ВСТУПАТЬ СЪ КЛЕВЕТНИКАМИ ВЪ ЛИЧНОЕ

объясненіе, онъ отражалъ неблагопріятныя для себя толки и пересуды письмами или къ тѣмъ лицамъ, которыя довѣряли неслѣпой молвѣ, или къ тѣмъ, которыя распространяли ее. Особенно прискорбно было для Василія нерасположеніе къ нему дяди его, епископа Григорія, человѣка во всѣхъ другихъ отношеніяхъ благонамѣреннаго (п. 56.). Враги Василія съ удовольствіемъ смотрѣли на это несогласіе и говорили: если ближній его родственникъ не хочетъ имѣть съ нимъ общенія, то несомнѣнно, что есть къ тому достаточныя причины. Братъ Василія Григорій Нисскій, желая облегчить скорбь его, прибѣгъ къ хитрости, какъ оказалось, очень невыгодной и опасной для Василія; именно Григорій сначала самъ доставилъ ему вымышленное письмо будто бы отъ общаго имъ дяди, письмо, въ которомъ высказывалось сильное желаніе примиренія; потомъ съ служителемъ прислалъ два также подложныя письма, и въ этихъ письмахъ мнимый дядя тоже изъявлялъ готовность на примиреніе съ своимъ племянникомъ. Василій принялъ первое письмо съ чрезвычайною радостію, показывалъ его многимъ изъ друзей своихъ и благодарилъ Бога за радостное окончаніе непріязни. Извѣстіе объ этомъ передано было и дядѣ Василія; но онъ, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ увѣрять, что не писалъ никогда письма Василію.—Василій привелъ былъ чрезъ это въ большой стыдъ; отъ упрековъ, какіе приходилось ему слышать

по этому случаю, желалъ даже, чтобы разступилась подъ нимъ земля. И о другихъ письмахъ также поздно было узнано, что они подложныя. Въ такихъ обстоятельствахъ Василій сдѣлалъ довольно рѣзкій письменный выговоръ брату, а дядю убѣдительно просилъ назначить мѣсто и время для личнаго объясненія по этому дѣлу.

Нужно было вразумить еще епископа Веспорія; св. Василій въ письмѣ къ нему раскрылъ свои отношенія къ предмѣстнику своему Діанію и требовалъ отъ клеветниковъ доказательствъ на то, гдѣ, когда и при комъ проклиналъ своего епископа. А монахинямъ, которыя соблазнялись общепіемъ Василія съ полуаріанами, онъ чрезъ письмо же раскрылъ и объяснилъ причины, почему заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія люди, которые съ отцами антїохійскаго собора, бывшаго противъ Павла самосатскаго, несоглашаются принять выраженіе: *единосущный*.

Послѣ свиданія съ Василіемъ дядя дѣйстви-тельно помирился съ нимъ, а вслѣдъ за дядею и другіе недоброжелатели начали сблизаться съ Василіемъ, приносили свое извиненіе и сколько прежде оказывали вражды, столько теперь расположенія, и добровольно уступали его разуму, признавали добродѣтель его для себя недосыгаемою, и сопротивленіе ему или отступленіе отъ него почитали отчужденіемъ отъ Бога (пох. сл. Гр.). Въ этоже вѣроятнo время и тѣ епископы, которые сначала негодовали и злословили

Григорія епископа назіанзскаго за благорасположеніе къ Василію, извинялись предъ Григоріемъ, припадали къ его колѣнамъ и, отложивъ ненависть, признали его своимъ патріархомъ, законодателемъ и судіею (18 сл. Гр. Б. стр. 140.).

Въ сношеніяхъ съ хореепископами св. Василій при самомъ началѣ своего епископства показалъ такую твердость, которую въ другихъ рѣдко можно встрѣчать и при концѣ жизни. Увѣрившись въ слухахъ касательно симоніи, онъ написалъ окружное посланіе и въ немъ рѣшительно угрожалъ хореепископамъ удаленіемъ отъ алтарей, если они и послѣ этого окружнаго посланія сдѣлаютъ что нибудь подобное. Въ предотвращеніе своеволія священниковъ, принимавшихъ къ себѣ въ причтъ людей недостойныхъ, Василій требовалъ отъ всѣхъ хореепископовъ, чтобы высланы были ему списки всѣхъ церковнослужителей сельскихъ съ означеніемъ, къъ кто опредѣленъ и какого рода жизни, и самъ у себя завелъ подобный списокъ, чтобы никому невозможно было приписать себя къ клиру, когда захочетъ. Кромѣ сего онъ предписалъ тщательно изслѣдовать о всѣхъ принятыхъ дотолѣ церковникахъ, достойны ли они причетническихъ должностей, и недостойныхъ исключить въ число мірянъ; особенно же запрещалъ причислять къ клиру кого бы то ни было безъ своего утвержденія. Еще извѣстно сдѣланное Василіемъ подтвержденіе прежнихъ церковныхъ правилъ о

томъ, чтобы лица духовнаго званія, вдовы или не вступившіе въ бракъ, не держали у себя ни подъ какимъ предлогомъ постороннихъ женщинъ (такъ называемыхъ сизиктовъ). Такія мѣры заботливости архипастыря объ улучшеніи клира возвысили духовенство кесарійское до такой степени, что сосѣдніе и отдаленные города просили у Василія священнослужителей для благоустроенія своихъ Церквей и для назначенія ихъ на епископскія кафедры. Такъ епископъ Иннокентій просилъ себѣ пресвитера изъ кесарійскаго клира (77 п.). Сатальскіе граждане просили у Василія себѣ епископа, и онъ далъ своего сродника, несмотря на слезы его прихожанъ и престарѣлой его матери (п. 28.). И св. Амфилохій иконійскій изъ кесарійскаго же клира просилъ кандидата на епископскую кафедру въ Исавріи (217. п.).

Бѣдствія, какія терпѣли православные отъ аріанъ, также причиняли много скорби Василію, хотя они касались не столько его митрополи, сколько другихъ восточныхъ церквей. «Другіе, говоритъ Григорій Богословъ, смотрятъ только у себя подъ ногами, расчитываютъ только, какъ бы свое было въ безопасности, далѣе же не простираются и не могутъ выдумать или привести въ исполненіе ничего великаго и смѣлаго. Но Василій хотя во всемъ другомъ соблюдалъ умѣренность, въ этомъ же не зналъ умѣренности. Примѣчая, что наслѣдіе Божіе приведено

въ худое положеніе, увлечено въ тысячи мнѣній и заблужденій, онъ не призналъ достаточнымъ въ безмолвіи оплакивать бѣдствіе и къ Богу только воздѣвать руки, напротивъ вмѣнилъ себя въ обязанность и отъ себя привнести нѣчто и оказать какую нибудь помощь; онъ не давалъ ни сна очамъ, ни дреманія вѣждамъ, и заботами изнурялъ останокъ плотей дотолѣ, пока не нашелъ врачеванія злу». Въ такихъ выраженіяхъ св. Григорій указываетъ на усиленную заботливость своего друга о низложеніи аріанства за предѣлами своей митрополи. Домедная до насъ переписка Василія Великаго съ восточными и западными епископами по сему дѣлу еще болѣе уясняетъ глубокій смыслъ выраженій Григорія. По свидѣтельству сихъ писемъ вотъ въ чемъ состояло худое положеніе православныхъ на востокѣ: «Аріане такъ усилились, говоритъ Василій, что предстоятели праваго ученія во всѣхъ епархіяхъ по клеветамъ насильственно лишаются своихъ церквей; и повсюду отъ предѣловъ Иллирика до Оиваиды свирѣпствуютъ зло-вредная ересь. И предсѣдательство въявь предлагается въ награду за нечестіе, такъ что кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе избирался на епископство въ народѣ; исчезла сановитость священническая, мало людей пасущихъ стадо Господне разумно; сбереженное для бѣдныхъ честолюбы неперестанно тратили на свои удовольствія и на раздачу по-

дарковъ». Тогдашній императоръ Валентъ, по выраженію Гр. Богослова (похв. сл.), скрежеталъ зубами на церковь, принимая на себя львиный образъ, рыкалъ какъ левъ и для многихъ былъ неприступенъ. Уже и первые опыты отважности сего царя покровителя аріанъ были: изгнаніе, описанія имуществъ, явные и скрытые совѣты, принужденія за недостаточностію убѣжденій; сосженіе пресвитеровъ на морѣ, обагрненіе безкровной жертвы кровью людей и оскорбленіе стыдливости дѣвъ. Въ самой Кесаріи въ 371 г. (п. 68.), явился уже аріанскій епископъ, славившійся ученостію Евиппій; опасались прибытія еще единомысленныхъ съ нимъ епископовъ изъ Арменіи и Киликіи. Письменные сношенія Василія съ друзьями при дворѣ императора Валента не имѣли успѣха; придворные отвѣчали только, что надобно благодарить Бога и за то, что состояніе православія еще не хуже. Итакъ св. Василій придумалъ слѣдующія, по словамъ Григорія (похв. сл.), весьма спасительныя средства: «сколько могъ, углубившись въ себя самого и затворившись съ духомъ, напрягаетъ все силы человѣческаго разума, перечитываетъ все глубины Писанія, дѣлаетъ возраженія еретикамъ, борется и препирается съ ними, отражаетъ ихъ чрезмѣрную наглость; къ однимъ идетъ самъ, къ другимъ посылаетъ, иныхъ зоветъ къ себѣ, даетъ совѣты, обличаетъ, запрепачетъ, угрожаетъ, укоряетъ, защищаетъ народы, города, людей

частныхъ; тѣхъ. которые были подъ руками, низлагаетъ вблизи разящимъ оружіемъ, а тѣхъ, которые находились вдали, поражаетъ стрѣлами письменъ, вообще придумываетъ всѣ роды спасенія и врачуетъ всѣхъ».¹ Однимъ изъ этихъ родовъ спасенія было сношеніе съ западными церквами, которое Василій началъ еще въ званіи пресвитера, и которое еще тогда почиталъ надежнымъ способомъ къ уврачеванію зла. Незадолго предъ тѣмъ западные епископы успѣли низложить сильныхъ защитниковъ аріанства, епископовъ венгерскихъ Валента и Урзація, и Авксентія медіоланскаго. Потому можно было почти съ увѣренностію разсуждать, что если только западные захотятъ, то могутъ расположить въ пользу православія на востокѣ своего императора и чрезъ него подѣйствовать на Валента, который со дня на день усиливалъ гоненія противъ православныхъ. Склоняяъ западныхъ къ тому, чтобы они убѣдили своего императора къ покровительству православнымъ, всего лучше было св. Аванасію Великому, который уже пользовался особеннымъ уваженіемъ на западѣ. И Василій убѣдительно просилъ св. Аванасія принять на себя это дѣло. Когда и большая часть восточныхъ епископовъ изъявили согласіе на сношеніе съ римскою церковію, Василій призналъ за лучшее въ дополненіе къ письму св. Аванасія и отъ себя написать письмо папѣ Дамасу; въ этомъ письмѣ онъ усердно просилъ

папу прислать на востокъ людей опытныхъ и кроткихъ для вразумленія упорныхъ еретиковъ (пис. 70.). Но успѣхъ посольства не соответствовалъ ожиданіямъ. Папа не удостоилъ Василія даже отвѣта. вмѣсто требуемыхъ епископовъ присланъ былъ только діаконъ Савинъ съ частными письмами къ Василію отъ епископовъ Иллирійскихъ, Италійскихъ и Галльскихъ, и съ извѣстіемъ объ опредѣленіи незадолго предъ тѣмъ бывшаго Римскаго собора ^{б)}), которымъ отвергались всѣ другіе символы, кромѣ православнаго Никейскаго. Приличіе требовало, чтобы кто нибудь отъ общаго собранія посланный доставилъ западнымъ епископамъ вторыя письма, и Василій, вѣроятно по порученію св. Мелетія антиохійскаго, отъ лица 32 епископовъ восточныхъ написалъ уже къ западнымъ епископамъ вообще, а не къ папѣ, трогательное посланіе; въ семъ письмѣ онъ настоятельно просилъ своихъ собратій западныхъ прислать нѣсколько довѣренныхъ людей для составленія общаго съ ними собора, который бы могъ примирить разномыслящихъ самымъ большинствомъ голосовъ. Въ посланіи (92 п.) было сказано: «просимъ васъ возбудиться ревностію по истинѣ и состраданіемъ къ намъ; просимъ васъ облечься во *утробы щедротъ*, отложить всякое медленіе, принять на себя трудъ любви

б) Соборъ былъ противъ Авксентія медіол. Созом. IV, 23. Феод. II, 22. Пис. 89.

и не брать въ расчетъ ни дальности пути, ни домашнихъ недосуговъ, ни другихъ человѣческихъ препятствій. Пока хранится еще слѣдъ древняго состоянія, прежде нежели постигло церкви совершенное крушеніе, поспѣшите къ намъ, поспѣшите же, ей, ей; просимъ васъ, искреннѣйшіе братья. Да подвижется къ намъ братское ваше сердоболіе, да проліются слезы сострадательности. Не пренебрегите тѣмъ, что половина вселенной погружена въ заблужденіе». По это письмо очень не понравилось западнымъ, какъ выражается св. Василій, любителямъ точности, и на слѣдующій годъ прислано было обратно безъ всякаго исполненія и отвѣта (п. 133.). Хотя папа Дамась, по словамъ бл. Оеодорита, былъ украшенъ всѣми видами добродѣтелей, но св. Василій не далеко былъ отъ мысли причину безуспѣшности посольства приписать надменности римскаго епископа, и послѣ сего онъ уже не считалъ нужнымъ повторять предъ нимъ свою просьбу. «Что нужно, говорилъ Василій, о томъ было уже писано прежде, а писать излишнее совершенно напрасно. Безпокоить же объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ не смѣшно ли будетъ»? Поэтому онъ совѣтовалъ только западнымъ принимать не безъ разбора въ общеніе съ собою всѣхъ входящихъ съ востока, и не довѣряться всякому, кто подъ видомъ православія пишетъ свое изложеніе вѣры (п. 124.).

Но хотя обширная переписка св. Василія съ западными епископами не вполне достигала желанной цѣли, за то собственный его примѣръ твердости въ исповѣданіи вѣры не остался безъ подражанія и пріобрѣталъ ему болѣе и болѣе друзей между ревнителями православія. Въ 371 году присланъ былъ въ Кесарію первый сановникъ имперіи, префектъ Модестъ, единственно для того, чтобы расположить Василія къ общенію съ аріанами, въ противномъ же случаѣ изгнать его изъ Кесаріи; но все, напередъ рассчитанныя, угрозы и льстивыя обѣщанія нимало не поколебали твердости кесарійскаго епископа. Это объясненіе Василія съ префектомъ есть такой подвигъ вѣры, для котораго у другихъ, облеченныхъ даже высшею гражданскою властію, въ подобныхъ случаяхъ недоставало силы воли и непреклоннаго дерзновенія. Такъ позднѣе, когда военачальникъ Гайна просилъ у императора Аркадія для единовѣрныхъ ему аріанъ особую церковь въ Константинополѣ, Аркадій готовъ былъ по малодушію уступить этому требованію; только совѣтъ и настояніе Златоуста спасли императора отъ униженія. Но и св. Златоуста могло воодушевлять въ этомъ дѣлѣ святой ревности между прочимъ сказаніе о Василіѣ д).

д) Григ. Нисскій въ 1 кн. противъ Евномія пишетъ: „кто изъ обитателей востока, кто изъ населяющихъ самые края нашей вселенной не зналъ борьбы Василія за истину съ преобладающими“?

Василію же въ настоящемъ случаѣ нужно было обладать еще бблыпю силою воли и непреклонностію характера. Отъ него съ львиною яростію требовалъ быстраго отвѣта самый приближенный сановникъ государя, съ увѣреніемъ, что вслѣдъ за нимъ явится съ тоюже цѣлію преклонить Василія на сторону аріанъ и самъ императоръ. Какъ же отразилъ требованіе префекта Василій? Вотъ сказаніе объ этомъ друга Василіева Григорія Богослова ^{е)}: «что съ тобою сдѣлалось, Василій, говорилъ префектъ, не достойная даже назвать его епископомъ, — какъ ты дерзнулъ возстать противъ самодержца и одинъ больше всѣхъ упрямисься? Для чего не держись одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили?»—Не могу поклониться твари, отвѣчаетъ Василій, — будучи самъ Божія тварь.—«Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи?»—Вы—правители, отвѣчалъ Василій,—и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами; впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что хри-

е) Хотя объ этомъ говоритъ и Григорій Нисскій, но въ болѣе общихъ выраженіяхъ; обстоятельнѣе же передаетъ дѣло Григ. Богословъ, потому и пользуемся его словами.

стіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста, и началъ говорить съ Василиемъ суровѣе прежняго. «Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти?»—Нѣтъ, что ни будетъ, и чего ни потерплю.—«Даже хотя бы потерпѣлъ ты отнятіе имущества, изгнаніе истязаніе, смерть?»—Ежели можешь, угрожай инымъ; а это нимало насъ не трогаетъ. — «Какъ же это, и почему?» спросилъ правитель.—Потому, отвѣчаетъ святитель, что не подлежитъ описанію имуществовъ, кто ничего у себя не имѣетъ; развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и пришлецемъ* (Пс. 38, 13.). Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе препощлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самого я уже умеръ, и къ Которому давно поспѣшаю.—Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: «такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривилъ передо мною».—Можетъ быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ епископомъ: иначе, безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о по-

добномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смиренѣе всякаго, это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было, не поднимаемъ брови; а когда дѣло о Богѣ, и противъ Него дерзають возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечь, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что тебѣ угодно, пользуйся своєю властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не покоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать.—«Императоръ хочетъ немногаго, были предпоследнія слова префекта Модеста ^{c)}); онъ хочетъ только, чтобы исключено было изъ символа слово: единосущный». Но святитель рѣшительно сказалъ: царю стать членомъ Церкви—это весьма важно, но допустить исключеніе въ изложеніи вѣры хотя бы одного слова, или прибавленіе и даже перемѣнить порядокъ въ написанномъ, никакъ не соглашусь

Вскорѣ прибылъ въ Кесарію самъ Валентъ. Модестъ донесъ ему: «побѣждены мы, царь,

c) Гр. Нисс. противъ Евн. кн. 1, 12. (Твор. св. Отцевъ 1863, кн. I. стр. 64).

настоятелемъ этой церкви: это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій». Императоръ какъ бы нехотѣлъ вѣрить, и для привлеченія Василія на свою сторону прислалъ еще къ нему многихъ изъ придворныхъ и людей военнаго званія, и проходящихъ должность судей, и женскихъ приставниковъ, и главнаго своего повара Димосеена, который грозилъ убить архипастыря своимъ поварскимъ ножомъ. Но всѣ эти послы должны были сознаться, что твердость архипастыря непреодолима. Послѣ сего царь показалъ столько благоразумія, что никакъ не соглашался употребить открытую силу противъ архіепископа, несмотря на совѣтъ царедворцевъ, а искалъ только случая переговорить съ Василіемъ лично. Наступилъ праздникъ Богоявленія, въ который Василій совершалъ богослуженіе въ своемъ соборномъ храмѣ. Въ Кесаріи не было аріанскихъ храмовъ. Посему и императоръ съ своею свитою вошелъ въ православную церковь, и присоединеніемъ къ народу показывалъ видъ нѣкотораго единенія съ нимъ въ вѣрѣ. Когда же слухъ Валента какъ громомъ пораженъ былъ начавшимся гнѣснопѣніемъ, когда Валентъ увидѣлъ море народа, а въ altarѣ и близъ онаго не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе; тогда пришелъ въ изнеможеніе; и взоръ и душа его покрылись мракомъ и пришли въ круженіе. При всемъ этомъ онъ самъ понесъ къ божественной трапезѣ дары,

вѣроятно золотые сосуды, но никто изъ клира не прикасался къ нимъ, потому что не зналъ, приметъ ли ихъ отъ еретика архипастырь. Царь до того смутился, что не могъ твердо стоять на своихъ ногахъ, и если бы одинъ изъ служителей алтаря не поддержалъ его, то произошло бы паденіе государя, достойное слезъ. При такомъ смущеніи онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ вступить въ бесѣду съ Василиемъ, и такимъ образомъ вышелъ изъ храма ни съ чѣмъ. Для вознагражденія первой неудачи, нужно было въ другой разъ посѣтить православную церковь. Въ это время Василій не былъ служащимъ, пригласилъ императора въ алтарь, гдѣ стоялъ самъ, и много говорилъ ему о божественныхъ догматахъ (Оеод. 4, 19.). Царь съ довольнымъ вниманіемъ слушалъ слова святителя, и хвалилъ его за мудрость, благолѣпіе въ священнослуженіи. Только бывшій тутъ между прочими сановниками, царскій поваръ Димосѣенъ укорилъ вселенскаго учителя за то, будто онъ допустилъ въ рѣчи какой-то барбаризмъ; на такое замѣчаніе Василій отвѣтилъ сначала только улыбкою, а потомъ когда замѣтилъ, что Димосѣенъ начиналъ сердиться и чѣмъ-то угрожать ему,—сказалъ: «твое дѣло заботиться о приправахъ къ полюбкамъ, а не постановлять божественные догматы» (Соз. 6, 16.). При этомъ свиданіи Валентъ не только не обнаружилъ никакого нерасположенія къ Василію, но, по свидѣтельству Оеодорита, былъ

еще восхищенъ бесѣдою Василія. И Григорій Богословъ бывшій при этой бесѣдѣ засвидѣтельствовалъ, что этою бесѣдою Василія съ Валентомъ остановлена большая часть обидъ, какія дотоѣ наносимы были православнымъ.

Но твердость и постоянство не были достоинствами сего государя; по настоянію аріанскихъ епископовъ и своихъ придворныхъ, Валентъ чрезъ нѣсколько времени рѣшился было подписать приговоръ объ изгнаніи Василія. Уже назначена была для приведенія въ исполненіе царскаго указа слѣдующая ночь, приготовлена была колесница, враги рукоплескали, благочестивые уныли, а друзья Василія съ глубокою скорбію смотрѣли на его спокойное приготовленіе къ отъѣзду. Осужденный на изгнаніе, по словамъ Григорія Б., онъ о томъ только позаботился, что одному изъ провожатыхъ сказалъ: «возьми записную книжку и слѣдуй за мной» (Похв. сл.). Въ это самое время единственный сынъ императора Галатъ заболѣлъ горячкою, и такъ сильно, что не помогали ни врачества, ни молитвы аріанскихъ епископовъ. Нельзя было не признать въ этомъ происшествіи дѣйствія наказующей руки Божіей. Императоръ хотя со стыдомъ, но вынужденъ былъ пригласить къ себѣ Василія. Василій пришелъ не отговариваясь, какъ сдѣлалъ бы другой, и тотчасъ съ его приходомъ горячка въ больномъ уменьшилась. Святитель обѣщалъ и совершенное выздоровленіе, но только въ томъ слу-

чаѣ, если надъ больнымъ совершатъ крещеніе православные. Но условіе не было принято и младенецъ померъ. Это же событіе такъ сильно подѣйствовало на Валента, что онъ немедленно отмѣнилъ приговоръ объ изгнаніи. Вскорѣ приключилась тяжкая болѣзнь и съ префектомъ Модестомъ. Но этотъ съ большимъ довѣріемъ прибѣгъ къ молитвамъ святителя и получилъ полное исцѣленіе. Слухъ объ этихъ событіяхъ увеличивалъ славу архипастыря и усиливалъ къ нему расположеніе не только паствы, но и тѣхъ епископовъ, которые прежде не соглашались на предполагаемое имъ сношеніе съ западною церковію. По этимъ дѣйствіямъ Василя можно судить, какъ много истины въ слѣдующихъ словахъ Василя о самомъ себѣ (195 п.): «я поставленъ у всѣхъ на виду; подобно подводнымъ камнямъ выдавшимся изъ моря, на себя принимаю ярость еретическихъ волгъ, и онѣ разбиваясь о меня, не затопляютъ того, что за мною».

Только чрезъ 4 года аріане рѣшились сдѣлать новое нападеніе на церкви Кесарійской митрополи. Но и въ это время бдительный архипастырь вѣрно предусмотрѣлъ приближавшуюся опасность и для отраженія ея принялъ всѣ возможные мѣры (пис. къ Халкидянамъ въ 375 году). «Пожаръ опустошившій большую часть востока, писалъ теперь Василій въ одномъ письмѣ, подвигается уже къ нашимъ предѣламъ и попаливъ все въ окрестности, усиливается коснуть-

ся церковей каппадокійскихъ, у которыхъ доселѣ вынуждалъ слезы только дымъ, достигавшій изъ сосѣдственныхъ странъ». Оправданіе этимъ словамъ опасливаго предчувствія вскорѣ представили слѣдующія событія. Въ первые годы епископства Василія, въ Каппадокіи былъ правитель Илія, который былъ истиннымъ стражемъ правды, былъ доступенъ обиженнымъ, страшень преступникамъ закона, равно и бѣднымъ и богатымъ, и, что всего важнѣе, возвратилъ христіанству древнюю его честь (*утраченную при Юліанъ*). Но по навѣту аріанъ высшія гражданскія должности Валентъ давалъ только врагамъ православія. Посему и этотъ правитель скоро лишенъ былъ своей должности, а на его мѣсто назначенъ былъ Димосоенъ, человекъ, о которомъ Василій почиталъ справедливымъ въ одномъ письмѣ употребить такія выраженія: «прибылъ къ намъ намѣстникъ,—это первое и величайшее зло изъ всѣхъ золъ для Каппадокіи». Хотя онъ не имѣлъ никакого усердія къ дѣламъ вѣры, и не занимался ими, но столько любилъ еретиковъ, сколько ненавидѣлъ православныхъ. Среди зимы собралъ онъ въ Галатіи сонмище людей безбожныхъ и низложилъ тамъ православнаго епископа Ипсія, а на мѣсто его поставилъ Екдикія. По жалобѣ одного ничтожнаго человека велѣлъ привести къ себѣ подъ стражей Григорія Нисскаго, и несмотря на просьбы о немъ всей кесарійской церкви, назначилъ на

его мѣсто во епископа въ Ниссы невольника, купленнаго за нѣсколько оводовъ, по своимъ правамъ и вѣрѣ сходнаго съ Анисіемъ и Екдикіемъ, которыхъ Василій называетъ развращенными и подлыми. Дѣща яростію и убійствомъ, по возвращеніи изъ Галатіи, всѣхъ священнослужителей церкви Димососнъ причислилъ къ вѣдомству городской думы. Въ Севастіи нѣсколько дней онъ дѣлалъ засѣданія, занимаясь разборомъ гражданъ, и тѣмъ, которые были въ общеніи съ православными, поручилъ исправленіе болѣе обременительныхъ, чѣмъ выгодныхъ должностей, а приверженцевъ Евстаѳіа севастійскаго (полуаріанина, какъ увидимъ послѣ) отличалъ самыми высокими почестями. По его же вліянію, приведены были въ растройство и дѣла Никопольскія (п. 229.). По смерти Феодота, митрополита Арменскаго, Василій употреблялъ всѣ старанія перемѣстити на каѳедру Никопольскую (въ Арменіи) Евфронія, епископа колонійскаго. Но какъ клиръ и граждане колонійскіе неохотно разставались съ своимъ любимымъ епископомъ, аріанскіе епископы успѣли завладѣть Никополемъ и рукоположили туда жалкаго Фронтана, священника Никопольскаго же, который съ такою жестокостію и насиліемъ оскорблялъ православныхъ, что послѣдніе, особенно священники, должны были искать для себя спасенія въ бѣгствѣ (п. 239.). Около сего же времени, аріане сожгли нѣсколько обителей

православныхъ монаховъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Василій считалъ долгомъ утѣнить Никопольцевъ и писалъ нѣсколько писемъ къ друзьямъ своимъ, служившимъ при дворѣ Валента о томъ, чтобы своимъ предстательствомъ обуздали столь неистоваго человѣка, каковъ былъ Фронтонъ. Но нѣкоторые изъ придворныхъ отвѣтили (пис. 121 и 205.), что Валентъ, находясь въ Антиохіи, намѣревался вызвать самого Василія въ Антиохію и здѣсь рѣшался выдать его обвинителямъ еретикамъ. И вотъ въ это-то вѣроятно время и сокрушилась трость императора, уже готовившагося подписать приговоръ противъ Василія, о чемъ рассказываетъ святой Ефремъ въ похвальномъ словѣ Василію. Узнавъ о сихъ козняхъ и о бѣдствіяхъ другихъ православныхъ церквей, которыми владѣли аріане (п. 231.), Василій, по совѣщаніи съ другомъ своимъ, епископомъ самосатскимъ Евсевіемъ, рѣшился снова просить западныхъ епископовъ о содѣйствіи въ борьбѣ съ аріанами.

Въ двухъ посланіяхъ, написанныхъ по сему поводу, св. Василій такъ живо и трогательно раскрылъ предъ взоромъ западныхъ іерарховъ бѣдствія, какимъ подвергались единовѣрные имъ на востокѣ въ теченіе 13-ти лѣтняго царствованія Валента, что нельзя не привести подлинныхъ его словъ. «Наши страданія, писалъ онъ, достигли до предѣловъ и обитаемой вами страны, досточестнѣйшіе братіе. Когда страждетъ одинъ

удѣ, съ нимъ страдаютъ и всѣ уды. Посему конечно и вашему сердоболію прилично поскорбѣть съ нами, страдающими столь долгое время. Почему же нѣтъ отъ васъ ни письма утѣшительнаго, ни братскаго посѣщенія, ничего такого, на что имѣемъ право по уставу любви? Насъ постигло гоненіе и гоненіе самое тяжкое. Ибо гонятъ пастырей, чтобы разсѣялось стадо. А всего тягостнѣе то, что озлобляемые пріемлютъ страданія не съ увѣренностію въ мученичествѣ, и народъ не воздаетъ почестей подвижникамъ на ряду съ мучениками, потому что гонители носятъ на себѣ имя христіанъ. Одна нынѣ вина, за которую жестоко наказываютъ—точное соблюденіе отеческихъ преданій. За это благочестивыхъ изгоняютъ изъ отечества и переселяютъ въ пустыни. Неправедные судіи не уважаютъ ни сѣдины, ни подвиговъ благочестія, ни жизни, отъ юности до старости проведенной по евангелію. Тогда какъ ни одного злодѣя не осуждаютъ безъ обличенія, епископовъ берутъ по одной клеветѣ и предають наказанію безъ всякаго доказательства вносимыхъ на нихъ обвиненій. А иные изъ нихъ не знали обвинителей, не видали судилищъ, даже не были сперва оклеветаны, но похищены насильственно ночью, сосланы въ отдаленныя страны, и злостраданіями, какія должны терпѣть въ пустынѣ, доведены до смерти. А за симъ слѣдовало: бѣгство пресвитеровъ, бѣгство діаконовъ, расточеніе всего

влира, народныя стenanія, непрестанныя слезы и по домамъ и въ обществѣ. Гласъ плачущихъ слышанъ въ городѣ, слышанъ въ селахъ, по дорогамъ и въ пустынѣ. Въ плачь обратились наши праздники: дома молитвенные затворены, на алтаряхъ не совершается духовнаго служенія, нѣтъ христіанскихъ собраній, не предсѣдательствуютъ учителя, нѣтъ спасительныхъ поученій, ни торжественныхъ, ни всенощныхъ пѣснопѣній. Народъ, оставивъ молитвенные дома, собирается въ мѣстахъ пустынныхъ. Женщины, дѣти, старцы и другіе немощные бѣдствуютъ подъ открытымъ небомъ, при проливныхъ дождяхъ, или лѣтомъ на солнечномъ зноѣ, и все это терпятъ потому, что не хотятъ приобщиться лукаваго Аріева кваса. . . . Пусть будетъ для васъ доказательствомъ нашего злостраданія и то, что намъ нельзя никуда и отлучаться. Ибо если кто и на самое краткое время оставитъ церковь свою, то предастъ симъ народъ свойъ людямъ злокозненнымъ, каковы аріане. Мы опасаемся даже, чтобы возрастающее зло подобно пламени, распространяющемуся по горючему веществу, не коснулось со временемъ и отдаленнаго края; зло ереси опустошительно, есть опасность, что прокрадется оно и въ здравую часть близкихъ къ вамъ странъ. . . . Обольщается слухъ людей простодушныхъ, онъ привыкъ уже къ еретическому злочестію. Чада церкви воскормляются печестивыми ученіями. Во власти еретиковъ кре-

щеніе, сопровожденіе отходящихъ, посѣщеніе больныхъ, утѣшеніе скорбныхъ, вспоможеніе угнетеннымъ, всякаго рода пособія, причащеніе таинъ. Все это, будучи ими совершаемо, дѣлается для народа узломъ единомыслія съ еретиками. Посему по прошествіи нѣкотораго времени, если бы и настала свобода, нѣтъ уже надежды содержимыхъ въ долговременномъ обманѣ снова возвратить къ познанію истины. И прежде зывали мы къ вашей любви о помощи и состраданіи къ намъ; но конечно потому, что не исполнилась мѣра наказанія, не поупущено было вамъ востать на помощь нашу. Всего болѣе домогаемся, чтобы чрезъ ваше благоговѣніе сдѣлалось извѣстнымъ наше затруднительное положеніе и самому Державствующему въ обитаемыхъ вами странахъ. Если же это не удобно, то пусть придутъ нѣкоторые изъ васъ посѣтить и утѣшить скорбящихъ и своими глазами увидѣть бѣдствія востока, о которыхъ невозможно приобрѣсти свѣденія посредствомъ слуха, потому что не найдется и слова, которое бы ясно изобразило вамъ наше положеніе».

Недошли до насъ отвѣтныя письма западныхъ епископовъ; покрайней мѣрѣ извѣстно то, что письма эти были утѣшительны для Василія и исполнили радостію его седрце (Пис. 255.). Вѣроятно, что западные обѣщали кого нибудь прислать для ободренія и утѣшенія восточныхъ Церквей, и если не исполнили этого, то потому,

что нашествіе Готѣовъ на имперію воспрепятствовало отправленію епископовъ (Пос. Соб. Аквил. Граціану.—Амвр. Мед. пис. 12.). Но въ слѣдующемъ за симъ году пресвитеръ Дороѣей, который чаще всего былъ отправляемъ съ письмами къ западнымъ, сообщилъ Василию, что папа Дамасъ въ разговорѣ съ нимъ святыхъ Мелетія антиохійскаго и Евсевія самосатскаго причислилъ ко послѣдователямъ Арія. Послѣ этого нельзя было ожидать ничего добраго отъ сношеній съ западомъ. Дѣствительно это были чрезвычайно неосторожныя слова. Еслибы и ничто другое не подтверждало православія Мелетія и Евсевія, скажемъ вмѣстѣ съ Василиемъ, то одни нападенія на нихъ аріанъ могли служить твердымъ доказательствомъ ихъ правоты. Изъ письма св. Василия къ Италійскимъ и Гальскимъ епископамъ видно, что прежде медлительность ихъ въ содѣйствіи своимъ собратіямъ на востокъ онъ объяснялъ путями Промысла. Вѣроятно потому, что неисполнилась мѣра наказанія, писалъ онъ, не поупущено было вамъ востать на помощь нашу. Но въ дружескомъ письмѣ къ Евсевию, писанномъ около этого времени, онъ разсуждалъ нѣсколько иначе. Еще прежде онъ предъусматривалъ бесполезность послѣднихъ сношеній съ западными. Ибо когда пресвитеръ Санктиссимъ просилъ у него писемъ къ своимъ соотечественникамъ, то на время Василиій отказывался отъ этого. И Евсевию писалъ: «мнѣ приходитъ на

мысль сказать словами Діомида: «лучше тебѣ не просить, потому что, говорятъ, онъ человекъ надменный». Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, то какая намъ будетъ помощь отъ западной гордости? Они и незнаютъ дѣла и нехотятъ его узнать. Самъ я желалъ бы не въ видѣ общаго посланія написать къ ихъ верховному и не о дѣлахъ церковныхъ, но вообще о томъ, что не должно нападать на людей угнетенныхъ искушеніями и признавать достоинствомъ гордость, этотъ грѣхъ, который и одинъ можетъ сдѣлать насъ врагами Богу» (Пис. 231.). Последнія извѣстія изъ Рима конечно утвердили св. Василія въ этомъ мнѣніи о папѣ. Такъ еще въ 4-мъ вѣкѣ архипастыри восточные имѣли основаніе жаловаться на высокомѣріе папъ.

Только за четыре мѣсяца до своей смерти св. Василій могъ утѣшиться твердою надеждою на улучшеніе участи православныхъ. Такъ думать можно на основаніи послѣдняго письма его къ Евсевию бывшему въ заточеніи; изъ сего письма видно, что по смерти императора Валента онъ надѣялся на скорое возвращеніе этого исповѣдника въ свою епархію.

Безсомнѣнія очень горько и прискорбно было для Василія видѣть такую безсострадательность западныхъ епископовъ къ единовѣрнымъ своимъ

братіямъ. Но этимъ неограничивались горести и подвиги Василія; немало скорбей, заботъ и трудовъ породили для святителя кесарійскаго и раздѣленіе Капподокіи по гражданскому управленію на двѣ провинціи (въ 371 г.), и вѣроломство друга его Евстаѳіа епископа севастійскаго.

(Продолженіе будетъ).

Архимандритъ Порфирій.

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

АРХІЕПИСКОПА КЕСАРІИ КАППАДОКІЙСКІЯ а.).

ГЛАВА IV.

Послѣдствія раздѣленія Каппадокіи на двѣ области. — Отношеніе къ Василию Тіанскаго епископа Анеима. — Умноженіе епархіи и примиреніе съ Анеимомъ. — Защищеніе Василиемъ Евстаѳіа Севастійскаго; вѣроломство Евстаѳіа, посредничество Евсевія Самосатскаго къ примиренію его съ Василиемъ. — Клеветы Евстаѳіа на Василія. — Отвѣтныя на нихъ письма Василія. — Болѣзни Василія и кончина его.

Извѣстіе о раздѣленіи Каппадокіи достигло до архіепископа въ то время, какъ онъ отлучался для обозрѣнія епархіи и для рукоположенія брата своего Григорія во епископа Нисскаго. Уныніе, въ какое впали при этомъ Кесарійцы, было такъ велико, что, по увѣренію Василія, нуженъ былъ Симонидъ или Есхилъ для изображенія великости бѣдствія. Подандъ, который назначался главнымъ городомъ новооткрытой

а) Окончаніе. Начало и продолженіе см. въ январ. и февральск. книжкахъ Душ. Чтенія.

области, былъ не что иное, какъ изрытая пропасть, дышущая тлетворнымъ воздухомъ. Одни какъ плѣнники отводились сюда, и это большая часть людей знаменитыхъ въ городѣ; другіе, чтобы избавиться отъ непріятнаго переселенія, убѣгали со всѣмъ своимъ семействомъ и скитались по селамъ или вовсе неизвѣстнымъ мѣстамъ, и такихъ была третья часть; такимъ образомъ только третья часть осталась въ городѣ, но оставшіеся, не перенося разлуки съ людьми близкими и скорбя о превращеніи города въ совершенную пустыню, отрекались отъ самой жизни. По ночамъ не было здѣсь освѣщенія, училища были закрыты, и прекратились собранія, рѣчи и сходбища на площади людей ученыхъ. Только и слышенъ былъ голосъ объявлявшихъ искъ, подвергавшихся взысканію, и приговоренныхъ къ наказанію бичами. Глубоко сочувствуя несчастію соотечественниковъ, извѣщенный ими, Василій письменно просилъ людей близкихъ къ императору доложить ему о бѣдствіяхъ Кесарійскихъ гражданъ и просить его объ отмѣненіи своего распоряженія. Но уваженіе къ представительству архіепископа показано было только въ томъ, что вмѣсто Поданда управленіе переведено было въ Тіану. Съ этимъ вмѣстѣ открылись новыя непріятности для Василія. Къ заботамъ объ утѣшеніи христіанъ нужно было присоединить старанія о томъ, чтобы, при постигшемъ Кесарію бѣдствіи, митрополія кесарійская оставалась

не раздѣленною. Епископъ Тіанскій Аноимъ захотѣлъ образовать особый округъ управленія и быть митрополитомъ. «Епископы, какъ скоро стали именоваться принадлежащими къ другой области, подумали уже, что они сдѣлались иноземными и иноплеменными для Василія, и даже не хотѣли знать его, какъ будто никогда не заводили знакомства, и не промолвили съ нимъ ни одного слова». Все это слова Гр. Богослова (Пох. сл.). «Истинная же причина такого отчужденія, пишетъ св. Григорій Богословъ, заключалась въ томъ, что не были согласны съ нимъ въ разсужденіи о вѣрѣ, а если и соглашались, то по необходимости, принужденные множествомъ (большинствомъ); кромѣ же сего для нихъ было всего тягостнѣе (хотя и всего стыднѣе признаться) то, что Василій далеко превъщалъ ихъ славою». Новый Тіанскій митрополитъ, увлекаемый властолюбіемъ, не чуждъ былъ и корыстолюбія, — онъ отвлекалъ отъ сѣзда на соборы, расхищалъ доходы, особенно ставилъ за великое доходы отъ св. Ореста (мощи котораго почивали въ Тіанѣ). Духовное дѣло, спасеніе души, дѣло вѣры, — все это служило для него прикровеніемъ ненасытмости. Св. Василій въ это же время, по увѣренію Григорія Богослова, приходилъ въ затрудненіе еще и отъ какой-то софистики и обычной пытливости преобладающихъ (пис. Гр. 25). Многіе даже изъ окружавшихъ его чрезъ негоже обдѣльывали свои

дѣла и раздували искру мщенія. Впрочемъ онъ, скажемъ также словами св. Григорія Богослова, не слабое придумалъ средство къ прекращенію зла, а самый раздоръ употребилъ къ приращенію церкви и случившемуся далъ самый лучшій оборотъ, именно: умножилъ въ отечествѣ число епископовъ. Изъ сего происходили, по суду Григорія Богослова, очень хорошо знавшаго современныя обстоятельства, три главныя выгоды: попеченіе о душахъ приложено большее, каждому городу даны свои права, а тѣмъ и вражда прекращена. Разсуждая выше, нежели по человѣчески, св. Василій въ это самое время противъ воли посвятилъ своего друга Григорія Богослова во епископа мѣстечка Сасимъ, которое находилось на предѣлахъ двухъ митрополій. Хотя Григорій покорился сему избранію, но другіе не переставали осуждать Василія за это посвященіе, такъ что, по рукоположеніи, Сасимскій епископъ усталъ, слушая упреки своему другу и защищая его предъ людьми, которые знали о взаимныхъ ихъ сношеніяхъ (Пис. Гр. Б. 50.). Такъ, пользуясь слухами о томъ, что Григорій скорбѣлъ о назначеніи его въ Сасимы, Аноимъ епископъ Тіанскій приходилъ и въ Назіанзъ съ нѣкоторыми епископами, для того, чтобы привлечь Григорія на свою сторону. Послѣ многихъ выпытываній о многомъ, о приходахъ, о сасимскихъ болотахъ, о рукоположеніи, Аноимъ и ласкалъ, и просилъ, и угрожалъ, и выставялъ

свои права, порицалъ, хвалилъ и съ усиленіемъ доказывалъ, что христіане Сасимскіе и Назіанзскіе должны присоединиться къ новой Тіанской митрополіи. Но его замыслы остались безъ всякаго успѣха. Св. Григорій убѣдилъ Аноіма искать примиренія съ Василиемъ, а Василій назначилъ время и мѣсто (Пис. 51. Гр.) для собора по сему дѣлу. Благодаря этому посредничеству, чрезъ полгода несогласія между духовенствомъ первой и второй Каппадокіи были прекращены.

Въ послѣдніе годы своей жизни св. Василій много терпѣлъ и страдалъ еще отъ клеветъ, какія разсеивалъ о немъ вѣроломный другъ его Евстаоій, епископъ Севастійскій. Какъ основатель многихъ монастырей у армянъ, пафлагонянъ и обитателей припонтійскихъ (Соз. 3. 14.), Евстаоій многихъ предрасположилъ въ свою пользу внѣшнею строгостію своей жизни (онъ носилъ грубую одежду, поясъ и обувь изъ невыдѣланной кожи). Посему Василій считалъ его за человѣка благонамѣреннаго, даже благочестиваго, несмотрѣя на то, что многіе отвлекали его отъ знакомства съ нимъ и заподозрѣвали чистоту его вѣры. Не разъ у Василія съ Евстаоіемъ бывали и пренія въ разсужденіи догматовъ (Пис. 215.); но конецъ споровъ доводилъ до убѣжденія, что и въ самыхъ малостяхъ не разногласили они между собою, что и Евстаоій держится правой вѣры. Поэтому, ревнуя о взаимномъ мирѣ епископовъ, св. Василій защищалъ его предъ тѣми, кои при-

числяли его къ полуаріанамъ, особенно предъ митрополитомъ армянскимъ (Сеодотомъ; это защищеніе стоило Василию такъ дорого, что по сему случаю онъ самъ подвергся подозрѣнію въ неправославіи, и въ бытность свою въ Никополѣ небылъ допускаемъ до участія въ общихъ ни вечернихъ, ни утреннихъ молитвахъ. Между тѣмъ Евстаоій, въ его отсутствіе, увѣрялъ своихъ учениковъ, что ни въ чемъ съ нимъ несогласенъ. Когда извѣстили объ этомъ Василия, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, и для обличенія невѣрности подобныхъ слуховъ, указывалъ на исповѣданіе православной вѣры ⁶⁾, подъ которымъ Евстаоій подписался въ присутствіи Фронтана, хорепископа Севера и нѣкоторыхъ другихъ клириковъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того созванъ былъ еще соборъ (Пис. 244.), на которомъ сосѣдніе епископы должны были вступитъ въ общеніе съ Евстаоіемъ, какъ православнымъ; всѣ приглашенные епископы, когда нужно было, съ радостію и усердіемъ пришли на соборъ. Но тотъ, для котораго и изъ—за котораго созванъ былъ соборъ, и послѣ вторичнаго посольства къ нему не явился, а прислалъ только къ Василию письмо, въ которомъ ничего не сказано было о постановленныхъ

6) Исповѣданіе составлено было на никопольскомъ соборѣ, и кромѣ Символа Никейскаго заключало дополнительное ученіе о божествѣ Святаго Духа и опроверженіе жеученій Маркела и Савеллія (125 г.).

до собора условіяхъ къ общенію съ православными епископами. Посланные впрочемъ извѣщали, что сообщники Евстаѳіа не дозволили ему идти на соборъ. Въ такихъ обстоятельствахъ св. Василій, предѣдатель собора, упалъ духомъ и пристыженный, не зналъ, что отвѣчать спрашивавшимъ. Впрочемъ несмотря на такое горестное окончаніе собора, можно было еще думать, что Евстаѳій недалекъ отъ общенія съ православными, и что въ настоящемъ случаѣ удержанъ былъ только своими учениками отъ участія на соборѣ. Посему св. Евсевій епископъ Самосатскій пытался еще примирить Евстаѳіа съ Василіемъ и при этомъ вновь предложилъ Евстаѳію простые и ясные вопросы о вѣрѣ. Но отвѣтъ былъ данъ не прямой, двусмысленный, съ явнымъ намѣреніемъ отринуть предложеніе. Василій, по собственному его увѣренію, такъ сильно желалъ мира, что съ удовольствіемъ готовъ былъ бы отдать и жизнь свою, только бы угасить пламень ненависти; но изъ уклончивости отвѣта Евстаѳіева увидѣлъ, что не можетъ быть твердой надежды на законное общеніе съ такимъ человекомъ. Дѣйствительно Евстаѳій въ Киликіи для какого-то Геласія вскорѣ написалъ такое исповѣданіе вѣры, какое прилично было бы написать одному развѣ Арію и самому близкому изъ учениковъ его. На соборѣ въ Анкирѣ подписалъ проклятіе на догматъ единосущія и сталъ вождемъ ереси духоборцевъ (п. 255.). Около сего же

времени самому Василию написалъ письмо, заключающее въ себѣ прямой отказъ отъ общенія съ нимъ, потому будто бы, что Василій состоялъ въ перепискѣ съ еретикомъ Аполлинаріемъ и проповѣдуетъ новое ученіе (п. 218.), именно равночестіе Святаго Духа Отцу и Сыну. Кромѣ сего (п. 130.) въ самыя отдаленныя страны Евстаоій разослалъ письма, исполненныя всякаго злорѣчія и клеветы на св. Василія. По его словамъ, св. Василій и коваренъ и лживъ и причиною расстройства Церкви и пагубы душъ. Въ доказательство Евстаоій указывалъ на дружеское письмо къ Аполлинарію, писанное лѣтъ за 20 назадъ, еще въ то время, какъ оба были мірянами, притомъ въ спискѣ Богъ знаетъ кѣмъ сдѣланномъ (Пис. 224.). Клевета эта быстро распространилась въ Понтѣ, Галатіи, Віоиніи и даже до Геллеспонта, и удобно могла произвести очень вредное дѣйствіе между легковѣрными людьми. Последнее письмо Евстаоія, полученное Василиемъ послѣ отказа Евстаоія явиться на соборъ, сильно возмутило его (п. 244.). «Сердце у меня стало связано, писалъ Василій одному изъ епископовъ, языкъ разслабѣлъ, рука онемѣла, я впалъ въ немощь души не мужественной и едва не дошелъ до человѣконенавидѣнія; мнѣ казалось, что всякой нравъ подозрителенъ, что въ природѣ человѣческой нѣтъ блага любви». Впрочемъ хотя и часто извѣщали Василія о разныхъ клеветахъ на него Евстаоія, онъ думалъ, что надобно въ

молчаніи переносить всѣ огорченія, ожидая какойнибудь переменны на лучшее отъ самыхъ дѣлъ; онъ полагалъ еще, что ложные толки о немъ были распространяемы, не по какойлибо злобѣ, но по незнанію истины. «Одно у меня утѣшеніе въ сихъ бѣдствіяхъ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, немощь плоти, по которой увѣряюсь, что не много времени оставаться мнѣ въ этой несчастной жизни». Вотъ причина, почему св. Василій не отвѣчалъ ничего на клеветы Евстаѳіа около трехъ лѣтъ. Но съ теченіемъ времени вражда возрастала и Евстаѳіане нимаю не раскаявались въ своихъ навѣтахъ на Василія. Это побудило его наконецъ написать нѣсколько писемъ къ близкимъ ему пастырямъ и инокамъ; въ сихъ письмахъ онъ раскрылъ свои отношенія къ Евстаѳію, его жалкое непостоянство, а также предлогъ къ обвиненію въ общеніи съ Амоллинаріемъ, и послѣ этого безстыдные клеветники должны были умолкнуть.

Непріятности и огорченія, какія терпѣлъ Василій отъ соепископовъ, отъ аріанъ и отъ Евстаѳіанъ конечно были бы гораздо сноснѣе и легче, если бы онъ обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ. Но и тогда, какъ онъ былъ въ добромъ здоровьи,—по собственнымъ его словамъ, у него менѣе было силъ, чѣмъ у людей, въ жизни которыхъ уже отчаялись. Что преувеличенія въ этихъ словахъ очень немного, это видно и изъ частыхъ его упоминаній о болѣзняхъ. При из-

браціи во епископа, какъ сказано было прежде, онъ былъ такъ опасно боленъ, что отчаявался въ своей жизни. Въ 373 г. болѣзнь мучила его болѣе пятидесяти дней, несмотря на то, что онъ пользовался минеральными теплыми водами и принималъ нѣкоторыя пособія отъ врачей (п. 136). При этомъ продолжительная болѣзнь была такъ непопятна самому Василию, что онъ, при всемъ знаніи медицины, не находилъ словъ для изображенія ея многосложности и разнообразія. Она началась, по описанію самого больного, горячкою, которая, по недостатку питательнаго для нея вещества, обвившись около сухой плоти, какъ около обожженной свѣтильни, производила сухотку и какую-то другую медлительную болѣзнь. А потомъ какая-то старая рана, поразивъ печень, произвела въ немъ отвращеніе отъ пищи, отогнала отъ очей сонъ и держала на предѣлахъ между жизнію и смертію, дозволяя жить только въ той мѣрѣ, чтобы чувствовать непріятности жизни.

Черезъ годъ послѣ сего св. Василиій еще сильнѣе сталъ жаловаться на свои болѣзни: «непрерывныя и сильныя лихорадки, писалъ онъ, такъ изнурили мое тѣло, что самъ себѣ кажусь чѣмъ-то такимъ, что хуже и меня самого. Припадки четырехдневной лихорадки болѣе 20-ти разъ повторяли свой кругъ; а теперь, когда, повидимому, освободился отъ лихорадокъ, до такого дошелъ изнеможенія силъ, что въ этомъ не отли-

чаюсь отъ паутины. Поэтому всякой путь для меня непроходимъ, всякое дуновеніе вѣтра для меня опаснѣе, чѣмъ тревоженіе для пловцовъ» (Пис. 185 и 157.). Быть нездоровымъ для меня стало чѣмъ-то естественнымъ, у меня болѣзнь слѣдуетъ за болѣзнію (192 п.). Посему изъ всего этого даже ребенку видно, что совершенно уже необходимо мнѣ разстаться съ этимъ земнымъ покровомъ» (Пис. 131.). Въ 373 году пронесся было даже по Каппадокіи слухъ о смерти Василія и многіе изъ епископовъ собрались было въ Кесарію для избранія ему преемника. Повидимому, ихъ прибытіе могло послужить къ утѣшенію больного. Но изъ совѣщанія съ ними о дѣлахъ церковныхъ онъ узналъ, что они не помогали ему ни въ чемъ самонужнѣйшемъ; случилось, что въ его присутствіи они чувствовали стыдъ и обѣщали должное; но разставшись, опять возвращались въ прежнее свое расположеніе. Подобныя огорченія, по суду самого Василія (п. 136.), большею частію препятствовали поправленію его здоровья, а болѣзни дѣлали болѣе тяжкими и мучительными огорченія со стороны другихъ. Потому при всемъ величій терпѣніи св. Василій писалъ о себѣ въ одномъ письмѣ: «я оцепенѣлъ отъ множества скорбей, окружившихъ меня нынѣ, онѣ содѣлали жизнь мою очень тяжелою». Все это — и множество скорбей и непрестанныя заботы конечно достаточны увѣрить, что только по особенной милости и благоволе-

нію Божию Святитель при столѣ слабомъ здоровьѣ могъ прожить до 49 лѣтъ.

Обстоятельства его кончины съ подробностію описалъ св. Григорій Богословъ. Когда Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, вокругъ него волновался весь городъ: нестерпима была потеря, жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе; думали удержать его душу, какъ будто можно насильно остановить ее руками и молитвами; всякій, если бы только возможно было, готовъ былъ приложить ему что нибудь отъ своей жизни. Въ предсмертныя минуты больной архипастырь нѣкоторыхъ рукоположилъ на церковныя степени, а другимъ предлагалъ свои наставленія; и наконецъ съ словами: *въ руку Твою предаю духъ мой*, радостно выпустилъ духъ. Когда выносили его изъ дома, каждый изъ насомыхъ его заботился о томъ, чтобы взяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священныи одръ, или коснуться только его тѣла, или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ. Наполнены были торжища, переходы, вторыя и третьи жилья, тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ не знаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмонѣнія заглушаемы были рыданіями. Даже нѣкоторые изъ язычниковъ и Иудеевъ, бывшихъ при этомъ проливали слезы. Отъ тѣсноты стремленія и волненія народнаго

не малое число людей лишились жизни и кончина ихъ была ублажаема, потому что преселились отсюда вмѣстѣ съ Василіемъ и стали надгробными ему жертвами. Съ такимъ миромъ и съ такою любовію паствы преселился святитель Христовъ изъ сей жизни. Это было въ 379 году, чрезъ восемь лѣтъ его епископства, на 50 году его жизни.

Г Л А В А V.

ПИСЬМА СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО а.).

Число сохранившихся до насъ писемъ Василія Великаго простирается до 336.—Изъ нихъ сомнительною для нѣкоторыхъ кажется подлинность только 11-ти писемъ къ Ливанію. По содержанію и этихъ писемъ не представляетъ ничего такого, что было бы недостойно Василія Великаго или несообразно съ его обстоятельствами жизни.—Различіе содержанія даетъ основаніе къ раздѣленію писемъ Василіевыхъ на догматическія, канони-

а) Къ жизнеописанію св. Василія Великаго авторъ присоединилъ обзоръ всѣхъ его твореній. Не находя удобнымъ помѣстить цѣликомъ въ нашемъ изданіи это обзоръ, мы даемъ мѣсто статьѣ о письмахъ Василія Великаго, потому что она служитъ дополненіемъ біографическихъ свѣдѣній о немъ. Ред.

ческія, истолковательныя, апологетическія, нравственныя, ходатайственныя, утѣпительныя и прі-
вѣтственныя ⁶⁾.

б) Изъ догматическихъ писемъ Василія особенно замѣчательно одобренное Халкидонскимъ соборомъ письмо къ брату Григорію о различіи сущности и ипостаси, и письмо къ Кесарію, въ которомъ одобряется ежедневное причащеніе Св. Тайнъ (89 п.). Кромѣ сего въ письмахъ сего рода св. Василій не разъ имѣлъ случай защищать Никейскій Символъ, опровергать лжеученіе Евноміанъ и Аполинарія.

Къ числу каноническихъ писемъ Трульскимъ соборомъ отнесены четыре письма къ св. Амфилохію епископу иконійскому, два къ хореепископамъ, одно къ Діодору тарсійскому и одно къ пресвитеру Паригорію. Въ письмахъ къ св. Амфилохію, Василій съ особенною подробностію разрѣшаетъ его вопросы о значеніи крещенія совершаемаго еретиками и раскольниками, о запутанныхъ бракахъ, о клятвopреступникахъ, убійцахъ и нарушителяхъ цѣломудрія, а совмѣстно съ симъ опредѣляетъ и различныя церковныя наказанія по различію преступленій и обстоятельствъ, при коихъ они были совершены. Изъ писемъ къ хореепископамъ въ одномъ св. Василій подъ угрозой лишенія сана, запрещаетъ симонію (продажу причетническихъ мѣстъ), а въ другомъ повелѣваетъ опредѣлять церковнослужителей въ селахъ не иначе, какъ по строгомъ испытаніи жизни пзбираемыхъ, и объ избранныхъ доносить своевременно епископу. Письмо къ Діодору писано въ опроверженіе неизвѣстно чьего письма о дозволенности брака съ сестрою умершей жены. Въ письмѣ къ Паригорію подъ угрозой анаѣмсы запрещаетъ Василій Великій 70-лѣтнему старцу держать въ своемъ домѣ чужую женщину подъ именемъ сннизакты.

Изъ толковательныхъ писемъ обширнѣе и потому важнѣе другихъ письмо къ св. Амфилохію, въ которомъ подробно и

Будучи столь разнообразны по своему содержанию, многія письма Василія важны въ томъ собственно отношеніи, что заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о современномъ Василію состояніи церквей восточныхъ, а также и о обстоятельствахъ собственной его жизни, и высокихъ нравственныхъ его качествахъ. Такъ изъ сихъ писемъ ясно открывается для читателей и ревностная заботливость Василія о благѣ всѣхъ Церквей, о сохраненіи истинной вѣры и единодушій бра-

основательно объясняются слова Спасителя о невѣдѣніи дня и часа кончины міра, и письмо Оптиму (252), гдѣ объясняются слова: *всякъ убивый Каина седмижды* отмстится и слова праведнаго Симеона Богоматери по воспріятіи на руки Богомладенца Іисуса.

Изъ писемъ апологетическихъ особенно замѣчательны по свѣдѣніямъ о тогдашнемъ состояніи церквей письма писанныя въ защиту противъ Евстаѳія севастійскаго, противъ неокесарійцевъ къ приморскимъ епископамъ и 47 къ Воспорію.

Ходатайственныхъ писемъ Василія дошло до насъ 58. Изъ нихъ видно, что любвеобильный архипастырь за всѣхъ, кто только просилъ его о помощи, и за знатныхъ сановниковъ, и за служителей, и за монаховъ, и за клириковъ, и за притѣсняемыхъ въ судахъ и за страждущихъ отъ чрезмѣрныхъ податей и налоговъ, и за тѣхъ, кто поступалъ въ училище знаменитыхъ софистовъ, за всѣхъ ходатайствовалъ предъ тѣми лицами, которыя могли подать облегченіе бѣдствующимъ или оказать какое нибудь содѣйствіе нуждающимся въ милости.

Число утѣшительныхъ писемъ простирается до 25-ти; онѣ писаны и къ гонимымъ еретиками, и оплакивавшимъ смерть родныхъ, и къ церквамъ лишившимся своихъ пастырей.

тїи, и глубокая сострадательность къ несчастнымъ, и мудрость въ управленіи дѣлами Церкви, и великодушїе при собственныхъ бѣдствїяхъ, и строгость къ наглымъ преступникамъ (похитителямъ дѣвъ), а такъже его нестяжательность, его строгое воздержаніе, миролюбивое обращеніе съ своими врагами и пламенность дружбы съ людьми достойными предпочтенїа.

Соберемъ изъ этихъ писемъ Василїа всѣ черты, которыя могутъ оживить предъ духовнымъ взоромъ его высокій нравственный характеръ, и дополнимъ это, гдѣ будетъ возможно, сказанїемъ о Василїѣ Григорїа Богослова; прежде же скажемъ собственными словами Василїа о братскомъ общенїи Василїа съ епископами вселенской Церкви и объ избраннѣйшихъ его друзьяхъ. Вотъ какъ самъ онъ пишетъ объ этомъ:

«Справедливѣе будетъ судить о мнѣ не по одному или двумъ изъ неправо ходящихъ во истинѣ, но по множеству во вселенной епископовъ, по благодати Божїей пребывающихъ въ единенїи со мною. Пусть будутъ спрошены епископы Писидїйскїе, Ликаонскїе, Исаврїйскїе, обѣихъ Фригїй, изъ армянскихъ со мною сосѣдственные, Македонскїе, Иллирїйскїе, Гальскїе, Испанскїе, всей Италїи, Сицилїйскїе, Африканскїе, изъ Египетскихъ соблюдающїе здравую вѣру и весь останокъ Сирскихъ, — всѣ они пишутъ ко мнѣ письма и отъ меня получаютъ такъже» (п. 196.).

Одинъ изъ первыхъ и короткихъ друзей св. Василій былъ св. Григорій Богословъ (4, 96.), но во время своего епископства Василій чаще всего совѣтовался въ разсужденіи о дѣлахъ церковныхъ съ св. Евсевіемъ Самосатскимъ и Амфилохіемъ Иконійскимъ; въ ихъ участіи, бесѣдахъ и письмахъ находилъ себѣ великое утѣшеніе. И того и другаго онъ «желалъ бы, если бы можно, извѣщать о всемъ, что случалось съ нимъ каждый день» (п. 229. 234.), часто приглашалъ ихъ на праздникъ кесарійскихъ мучениковъ, и для совѣщанія о томъ, о чемъ неудобно было говорить чрезъ письма (п. 137.). «Ради многихъ нужныхъ дѣлъ, пишеть напр. въ одномъ изъ писемъ (которыхъ дошло до насъ болѣе 20) къ Евсевію,—падобно было сойтись съ твоимъ богочестіемъ, и о многомъ сообщить тебѣ, и многому у тебя научиться. Ибо здѣсь нельзя найти истинной любви. А когда и нашель бы кто человѣка, весьма любящаго, то нѣтъ никого, кто бы подобно твоему совершенному благоразумію и твоей опытности, могъ подать мнѣ совѣтъ въ подлежащихъ дѣлахъ» (133). «И на молитвы твои обо мнѣ я столько полагаюсь, писалъ Василій въ другомъ письмѣ, что если это будетъ нужно, могу даже изъ старца сдѣлаться юнымъ, а не только изъ немощнаго и разслабленнаго, каковъ теперь, сколько нибудь крѣпкимъ» (п. 157. под. 30.). Амфилохій былъ моложе Василія и взятъ на кафедру епископскую изъ клира кесарій-

скаго, а потому Василій любилъ его какъ сына, разръшала многія его недоумѣнія въ обширныхъ письмахъ; но при всемъ этомъ, конечно со всею искренностію писалъ къ нему: «всякій день, въ который есть письмо отъ твоего богочестія, для меня праздникъ и самый великій изъ праздниковъ» (224.); и еще: «по многимъ причинамъ желаю видѣться съ тобою, и чтобы имѣть тебя совѣтникомъ въ дѣлахъ, и вообще, чтобы, видаясь съ тобою рѣдко, имѣть нѣкоторое утѣшеніе въ сей утратѣ» (п. 193.); «твое лицезрѣніе, послужить для меня избавленіемъ отъ всѣхъ настоящихъ и ожидаемыхъ огорченій» (223. Всѣхъ писемъ къ Амфилохію 17-ть). Такимъ же духомъ нѣжной любви, преданности и расположенія дышать письма Василія и къ св. Мелетію антиохійскому, и Амвросію медіоланскому, и Елифанію кипрекому, и Асхолію солунскому (149.).

Изъ писемъ можно видѣть, какъ скоро и вѣрно могъ узнавать св. Василій лучшихъ изъ современныхъ ему пастырей церкви. «Все здѣшнее, писалъ онъ св. Мелетію, исполнено болѣзней и мнѣ одно приближице отъ золь — мысль о твоей святости, и сію мысль дѣлаеть яснѣе бесѣда съ тобою чрезъ письма, исполненныя всякой мудрости и благодати. Посему, когда беру въ руки письмо твое, прежде всего смотрю на его мѣру, и чѣмъ болѣе избыточествуетъ оно величиною, тѣмъ для меня любезнѣе. Притомъ во время чтенія, при каждомъ встрѣчающемся

словѣ, радуясь, но приближаясь къ концу письма, начинаю огорчаться. Такъ все, что ни говоришь въ письмѣ, исполнено доброты» (Пис. 53.). Поэтому-то и св. Мелетія, такъ же какъ св. Аѳанасія александрійскаго, Василій убѣдительно просилъ не оставлять своими письмами и молитвами (76.). Св. Епифаній спрашивалъ Василія о племени Маргусеевъ населявшихъ Каппадокію и происходившихъ отъ древнихъ поселенцевъ Вавилонскихъ. Давая отвѣтъ на этотъ вопросъ, Василій употребилъ нѣсколько такихъ выраженій, которыя показываютъ, что св. Епифаній имѣлъ чистую и неслестную любовь къ нему, и при всей широтѣ моря и суши, которая раздѣляла ихъ, служивалъ ему всевозможнымъ попеченіемъ. Св. Амвросію Василій оказалъ особенное уваженіе тѣмъ, что препроводилъ въ Медиоланъ мощи его предшественника Діонисія, скончавшагося въ заточеніи въ Арменіи или Каппадокіи. Исполненіе этого желанія особенно трудно было потому, что жители той страны, гдѣ сохранялись мощи Діонисія, почитали его отцемъ и заступникомъ своимъ, и потому естественно не хотѣли разлучаться съ столь дорогимъ для нихъ сокровищемъ. Но Василій несмотря и на обильныя ихъ слезы, переслалъ мощи Діонисія миланскаго къ его преемнику.

Для блага Церкви, страдавшей отъ аріанъ, св. Василій считалъ нужнымъ поддерживать знакомство и съ свѣтскими сановниками и съ при-

дворными лицами; и дѣйствительно умѣлъ извлекать существенную пользу изъ этого знакомства. Нѣкоторые изъ этихъ сановниковъ извѣщали Василія о томъ, что дѣлалось при дворѣ, и особенно о проискахъ и затѣяхъ аріанъ, приближенныхъ къ Валенту, а другіе за честь себя ставили исполнять просьбы и ходотайства Василія о невинныхъ страдальцахъ. Изъ нихъ особеннымъ уваженіемъ и расположеніемъ къ Василію извѣстны графъ Терентій, жившій въ Антиохіи, графы: Магниніанъ, Ювинъ, Аркадій, бывшій консулъ Викторъ, военачальники: Андроникъ и Кандидіанъ, областеначальники: Траянъ содержавшій на своемъ иждивеніи болѣе тысячи воиновъ (п. 3.), Каллисоевъ, Антипатръ, магистръ Софроній, и даже ипархъ Модестъ. Видно, что эти лица достойны были любви Василія, ибо всемъ имъ онъ пишетъ свои письма съ искреннимъ уваженіемъ. Вотъ напр. начало письма Кандидіану: «съ особеннымъ уваженіемъ взялъ я въ руки письмо твое, какъ бы извѣстіе о какомъ государственномъ дѣлѣ, и пока разламывалъ восковую печать, смотрѣлъ со страхомъ, какъ ни одинъ обвиненный спартаецъ не смотритъ на лакедемонскій свитокъ» (п. 3.). Подобное и въ письмѣ къ консулу Виктору. «Причина моего молчанія, говоритъ онъ здѣсь, очень ясна: я боялся беспокоить такого мужа. Если же къ прочимъ своимъ доблестямъ присоединилъ ты и то, что не только принимаешь присылаемыя

нами письма, но требуешъ и тѣхъ, которыя небыли присланы: то вотъ смѣло тебѣ пишу и впредь буду писать, — моля Бога вознаградить тебя за честь оказываемую мнѣ, и благодаря его за то, что продолжаешъ помнить обо мнѣ, и не смотря ни на какую клевету, неуменяешъ любви ко мнѣ, которую, по самому правдолюбивому сужденію, однажды рѣшился возымѣть ко мнѣ» (147. 8.). Особенно уважали Василія Августинъ, магистръ Софроній; посему къ нимъ чаще другихъ обращался святитель съ своими просьбами. «За многихъ ходотайствовалъ я предъ твоею досточестностію, такъ говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Августину, и въ довольной мѣрѣ былъ полезенъ утѣсеннымъ»; а въ письмѣ къ Софронію между прочимъ читаются такія слова: «облагодѣтельствованныхъ для меня твоимъ великодушіемъ не легко перечислить, такъ какъ твоей степенности всегда угодно было оказывать ко мнѣ вниманіе, и не малымъ кажется доставить мнѣ удовольствіе» (173). Ипάρχъ Модестъ, послѣ того какъ получилъ изцѣленіе отъ своей болѣзни по молитвамъ Василія, сдѣлался искреннимъ его покровителемъ. Посему св. Василій съ смѣлостію начиналъ ему письма такими выраженіями: «по преизбытку чести, какую мнѣ оказываешь, заключаю, что множество моихъ писемъ не причинитъ никакого безпокойства твоему великодушію». Въ другомъ письмѣ къ Модесту Василій пишетъ: «хотя и много въ томъ

смѣлости, чтобы представлять такому человѣку просьбы свои въ письмахъ; но уваженіе, какое ты мнѣ оказывалъ, не даетъ въ сердцѣ моемъ мѣста робости» (271—273.).

О свойствахъ Василія, какъ архипастыря, на основаніи собственныхъ его писемъ можно сказать слѣдующее. На степени церковныя св. Василій возводилъ только людей довольно испытанныхъ и извѣстныхъ по строгости своей жизни (п. 72. Гр. Бог.). Потому духовенство кесарійское вело столь скромную и тихую жизнь, что св. Василію вовсе почти не кого было изъ своего причта посылать съ письмами при частныхъ его сношеніяхъ съ ближними и отдаленными епископами (190). «Никто изъ моего причта, говорилъ онъ самъ, незанимается торговлею, не любить проживать на сторонѣ; многіе берутся только за искусства, требующія сидячей жизни, и тѣмъ снискиваютъ себѣ насущное пропитаніе».

Мѣры, какими пользовался св. Василій, къ вразумленію и исправленію нерадивыхъ о своемъ совершенствѣ, были большею частію кротки. «Часто улыбка его, говоритъ Григорій Богословъ, служила похвалою, а молчаніе выговоромъ, подвергающимъ злое укоризнамъ собственной совѣсти» (122.). Подтвержденіе симъ словамъ Григорія можно находить въ собственныхъ письмахъ Василія, и особенно по дѣламъ о діаконѣ Гликеріѣ и о похитителяхъ дѣвъ. Одинъ діаконъ, по имени Гликерій, собравъ нѣсколькихъ дѣвъ,

изъ которыхъ инья пришли къ нему добровольно, а инья противъ воли, обѣщавъ быть руководителемъ и наставникомъ ихъ въ духовной жизни, а при этомъ оказывалъ презрѣніе и къ пресвитеру своему, и къ хорепископу, и къ самому Василию, и разумѣется возбудилъ своимъ поведеніемъ въ городѣ смятеніе, толки пересуды. Любвеобильный архитастыръ вслѣдъ за хорепископомъ сдѣлалъ діакону только небольшой словесный выговоръ, но вмѣсто исправленія діаконъ ночью убѣжалъ вмѣстѣ съ соблазненными дѣвами изъ своего села и поселился въ Назіанзѣ. Для прикрытія позора епископъ Назіанзскій далъ убѣжище дѣвамъ въ своемъ домѣ. Узнавъ объ этомъ, Василиій просилъ своего друга Григорія Богослова убѣдить діакона возвратиться съ дѣвами или по крайней мѣрѣ отослать дѣвъ на свою родину, а самому преступнику обѣщавъ совершенное прощеніе. Но чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно.

Изъ другаго письма Василіева видно, что онъ принялъ для себя за правило сдѣлавшихъ зло не выдавать гражданскимъ властямъ, но и не избавлять тѣхъ, которые выданы (п. 281.). Поэтому онъ недозволилъ однажды производить судъ надъ ворами, взятыми въ церкви, смотрителю тюремному, надѣясь сдѣлать ихъ лучшими чрезъ свои отеческія увѣщанія. Василиій съ твердостію выговаривалъ этому чиновнику даже за то только, что онъ незаконно присвоилъ себѣ право задержать этихъ воровъ; «твое дѣло, писалъ онъ, только донести

о случившемся комиту». Примѣромъ законной строгости къ упорнымъ во злѣ служить духовное наказаніе, какому подвергъ онъ похитителя одной дѣвицы. Какъ скоро дошелъ слухъ до архіепископа объ этомъ преступленіи, онъ сдѣлалъ письменный выговоръ пресвитеру за то, что не преслѣдовалъ судомъ своимъ похитителя, и предписалъ ему дѣвицу отнять отъ хищника и возвратить родителямъ, самаго же хищника лишить общенія въ молитвахъ и провозгласить отлученнымъ; онъ требовалъ такъже отлучить отъ общенія въ молитвахъ на три года всѣхъ тѣхъ, которые способствовали похищенію, со всѣми ихъ семействами, и всѣхъ жителей того селенія, которое скрывало и удерживало у себя похищенную дѣвицу (п. 262.).

Въ письмахъ Василія есть еще указаніе на то, что онъ подобнымъ образомъ отлучилъ отъ общенія въ молитвахъ трехъ преступниковъ, такъ какъ они непоказывали никакого исправленія и по обличеніи ихъ предъ всю церковью ^{в)}).

Изъ другихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, которыя особенно украшали Василія, св. Григорій Богословъ упоминаетъ чаще всего о его нестяжательности, его строгомъ воздержаніи, его

в) Одинъ изъ нихъ выставилъ на панерти церковной надпись съ несправедливыми обвиненіями противъ благочестивой дѣвственницы (п. 289.).

смиреніи, его челоуѣколюбіи и пріятности въ обществѣ; а къ этому на основаніи писемъ Василіевыхъ можно прибавить еще вѣрность и нѣжность его въ дружбѣ съ людьми достойными предпочтенія. «Богатство Василія, говоритъ Григорій Богословъ, ничего у себя не имѣтъ и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній. У него были одинъ хитонъ, одна верхняя ветхая риза, а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе, самою вкусною вечерію и снѣдію служили хлѣбъ и соль; но и этой скудной пици употреблялъ онъ такъ мало, что казался почти не вкушающимъ пици и безплотнымъ. Онъ считалъ даже неприличнымъ ему лакомствомъ—закуски посланныя ему св. Амфилохіемъ; правда, отказываясь вкушать ихъ, для вида онъ ссымался на свои зубы и писалъ: «не по лѣтамъ мнѣ грысть твои закуски, когда зубы давно уже притупились и отъ времени и отъ недуговъ»; но главною причиною конечно было строгое воздержаніе отъ лакомыхъ снѣдей. Другъ его Амфилохій конечно не послалъ бы ему чего нибудь чрезмѣрно сухаго, зная его старческія болѣзни. Нѣкоторую самую умѣренную любовь къ собственности обнаружилъ Василій только въ молодыхъ лѣтахъ, когда одинъ грубый челоуѣкъ, съ нѣсколькими подобными себѣ буянами, ворвался въ его домъ, прибилъ нѣсколькихъ женщинъ, и разломавъ

двери, вынесъ изъ него все. Извѣстившись объ этомъ, съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякой досады на похитителя, св. Василій просилъ себѣ покровительства у друга своего, военачальника Кандидіана; но по собственнымъ его словамъ, просилъ только для того, чтобы не быть послѣднимъ изъ немощныхъ и не подать о себѣ мысли, что всякой можетъ нападать на него. «Я удовольствуюсь, писалъ скромный и нестяжательный проситель, если виновный будетъ взятъ начальникомъ селенія и на короткое время заключенъ въ тюрьму, потому что не столько негодую за то, что потерпѣлъ, сколько имѣю нужды въ безопасности на будущее время». Когда же Василій занимался устройствомъ монастырей, то часть его родового имѣнія поступила въ построенныя по его настоянію обители, а большую часть раздалъ въ пользу нищей братіи Христовой, особенно же на устройство того загороднаго страннопріимнаго въ Кесаріи дома, который по обширности, красотѣ и удобствамъ, назывался городомъ. Здѣсь находили себѣ пріютъ и успокоеніе и дряхлая старость и страдавшіе самыми тяжкими болѣзнями. Самъ Василій часто приходилъ для утѣшенія больныхъ.

Нѣкоторые изъ враговъ Василія не стыдились называть его гордецомъ. Для оправданія своего друга Григорій Богословъ писалъ слѣдующее: «Василій, этотъ благородно рожденный отъ благородныхъ и сіяющій славою, негнушался и лоб-

заніемъ усть чтить болѣзни, обнималъ недужныхъ какъ братьевъ. Возможно ли же добызать прокаженныхъ и превозноситься предъ здоровыми? Думаю, что враги Василія кичливостію называли постоянство, твердость и непоколебимость его права». Замѣчателенъ отвѣтъ и самаго архипастыря на упрекъ одного изъ бывшихъ друзей его въ томъ, будто новый санъ сдѣлалъ его высококомѣрнымъ. «Перестань, писалъ онъ Пергамію, въ короткихъ словахъ взводить на меня великія вины. Ибо забвеніе друзей и презрѣніе ихъ влѣдствіе пріобрѣтенной власти заключаетъ уже въ себѣ все худое въ совокупности; будь увѣренъ въ томъ, что настоящая моя должность послужила для меня поводомъ къ смиренію. Поэтому развѣ тогда забуду тебя, когда самъ небуду узнавать себя, а ты моихъ недосуговъ никогда не обращай въ признакъ худаго поведенія и злоправія» (п. 52.).

Сострадательность Василія простиралась не на однихъ больныхъ, нищихъ и странниковъ, но и на всѣхъ, кто только терпѣлъ какое несчастіе, былъ обремененъ какою нибудь скорбію. Объ этомъ яснѣе всего свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ 58-мь ходатайственныхъ его писемъ за различныхъ страдальцевъ, и 25-ть утѣшительныхъ. И за знатныхъ сановниковъ, и за притѣсняемыхъ въ судахъ, и за страждущихъ отъ чрезмѣрнаго налога податей, и за тѣхъ, кто поступалъ въ училища знаменитыхъ софистовъ,

за всѣхъ кто только просилъ о помощи, любвеобильный архипастырь немедленно ходатайствовалъ предъ тѣми, которые могли подать облегченіе бѣдствующимъ. И гонимые еретиками и оплакивающіе смерть родныхъ и лишившіеся своихъ пастырей, всѣ вскорѣ получали письменное утѣшеніе отъ святителя, если только были ему сколько нибудь знакомы.

При всей благонамѣренности и благожелательности, враги Василія вносили на него самыя невѣроятныя и оскорбительныя клеветы, иногда даже предъ людьми особенно уважавшими его, каковъ магистръ Софроній; такъ враги Василія винили его и за обширную переписку, а для сего развѣдывали, не получилъ ли кто какого нибудь письма отъ него (167), и когда это было. Но Василій, по чувству глубокаго смиренія и любви, не только съ благодушіемъ переносилъ подобныя оскорбленія, но и въ письмахъ къ самымъ приближеннымъ лицамъ, явно злонамѣренную непріязнь къ себѣ называлъ несчастіемъ, которое будто бы привлекъ на себя грѣхами своими (п. 55, 6.). О горячности и искренности любви Василіевой къ друзьямъ свидѣлствуютъ письма самого же Василія. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ о себѣ: «не могу поставить себя ниже кого нибудь изъ сдѣлавшихся извѣстными своею дружбою, потому что никогда не былъ изобличенъ погрѣшившимъ противъ дружбы» (п. 264.). Въ

другомъ письмѣ читаются такія слова: «къ священной и неслестной душѣ твоей возродилось во мнѣ какое-то влеченіе; поелику же насладиться вождельваемымъ удобствъ не имѣю, то нынѣ, разлученный съ любезнѣйшими мнѣ, почитаю жизнь свою жалкою и несною» (п. 119.). Надобно при этомъ замѣтить, что такимъ языкомъ нѣжной дружбы говорилъ Василій не съ высокими только по званію и сану лицами, но и съ смиренными монахами, священниками и товарищами по ученію (429.), и даже простыми воинами. Вотъ его слова напримѣръ въ письмѣ къ монаху Урвикію: «не думай, что тебѣ нужны оправданія, когда пишешь ко мнѣ; ибо разумѣю самъ себя и знаю, что по природѣ всякой чело-вѣкъ и со всѣми равночестенъ, и преимущества наши не въ родѣ, не въ избыткѣ имѣнія, но въ преимущественномъ страхѣ Божіемъ. Поэтому тебѣ, который больше, нежели я, боишься Владыки, что препятствуетъ въ этомъ самомъ быть выше меня? Итакъ постоянно пиши ко мнѣ. Когда же можно, приди ко мнѣ; ты или утѣшишь меня, или подашь мнѣ мысль, или выведешь меня изъ бѣдствій, во всякомъ случаѣ однимъ появленіемъ своимъ сдѣлаешь то, что мнѣ будетъ легче» (п. 118.). Еще замѣчательнѣе начало письма къ простому воину: «во время своего путешествія, говоритъ Василій, удостоился я отъ Господа многого, за что долженъ благодарить Его: но величайшимъ для себя бла-

гомъ признаю знакомство съ твоею досточестностію. Ибо узналъ въ тебѣ человѣка доказывающаго собою, что и въ военной жизни можно сохранить совершенство любви къ Богу, и что христіанинъ долженъ отличатся не покроемъ платья, но душевнымъ расположеніемъ; а по этому и тогда со всѣмъ желаніемъ проводилъ съ тобою время, и теперь, какъ скоро вспоминаю о тебѣ, наслаждаюсь величайшимъ веселіемъ. Итакъ мужайся и крѣпись и старайся приумножать въ себѣ любовь къ Богу» (102.). Что Василій до конца жизни сохранялъ благорасположеніе свое къ добрымъ товарищамъ дѣтства и школы,—объ этомъ легко судить по письму его къ Евсеію. Здѣсь онъ съ глубокою скорбію уже въ послѣдніе годы своей жизни жаловался на то, что не засталъ своего товарища Евсеіа въ какомъ-то городѣ.—Вотъ собственныя его слова: «Прибывъ въ городъ, сильно былъ опечаленъ тѣмъ, что не нашель тебя здѣсь. Ибо дорого для меня было видѣть и обнять превосходнѣйшаго во всемъ Евсеіа, и снова возвратиться воспоминаніемъ къ своей юности и припомнить тѣ дни, когда были у насъ и одинъ кровъ, и одинъ очагъ, и тотъже наставникъ, когда отдыхъ и занятіе, и роскошь и скудость, всё дѣлили между собою. Какъ дорого цѣнилъ я, что все это обновлю въ памяти при свиданіи съ тобою и, сбросивъ съ себя эту тяжелую старость, опять по видимому изъ старика сдѣ-

лаюсь молодымъ! Но насладиться симъ не дано мнѣ» (п. 263.). При такой широтѣ и горячности любви Василія никто не усумнится конечно и въ томъ, что онъ со всею искренностію просилъ своихъ друзей какъ можно чаще писать къ нему длинныя письма; эта просьба болѣе тридцати разъ повторяется въ его письмахъ и притомъ ко многимъ и разнымъ лицамъ. Такъ онъ пишетъ къ Евстаѳію, первому врагу: «если есть какая польза отъ моихъ писемъ, то неопускай ни одного случая писать ко мнѣ и побуждать меня, чтобы я писалъ. Ибо самъ я примѣтнымъ образомъ дѣлаюсь веселѣе, когда читаю письма мужей разсудительныхъ. По этому если бы не отвлекало меня множество дѣлъ, то не удержался бы отъ удовольствія писать непрестанно. Но у васъ меньше заботъ, поэтому, какъ можно, услаждайте меня письмами. Говорятъ, что и колодцы, если изъ нихъ черпаютъ, дѣлаются лучше. Итакъ посылай больше писемъ, и писемъ какъ можно длинныхъ, потому что малость въ письмѣ, почти такъ же какъ и въ челобѣтѣ, не есть совершенство; пиши ко мнѣ и о домашнихъ дѣлахъ и о томъ, каково твое тѣлесное здоровье, и о томъ, спокойно ли состояніе церкви. Пиши ко мнѣ по какому бы то ни было случаю, только пиши подобнымъ сему образомъ, съ такимъ же добрымъ расположеніемъ и такимъ же чистымъ языкомъ; не говорю, что самъ могу усвоить себѣ пріятный слогъ,

однако же естественно какъ-то плѣняюсь имъ; вы, обворожающіе словомъ, водите насъ за собою, какъ приманиваютъ пчелъ звонками» (314.). Вотъ еще слова Василія изъ письма его къ другому другу: «желая непрестанно получать письма твоего совершенства, когда взялъ я въ руки письмо твое и прочелъ его, не столько радъ былъ написанному, сколько опечаленъ, разсуждая о потерѣ, какую несъ во время твоего молчанія. Но поелику началъ ты писать, то и не преставай продолжать это, ибо веселишь меня болѣе, нежели тѣ, которые любителямъ богатства посылаютъ большое количество денегъ» (129.). «Я радъ и выговорамъ твоимъ, пишетъ Василій софисту Леонтію (п. 21.), ибо у прекрасныхъ, какъ говорятъ, во всемъ есть примѣсь прекраснаго, посему имъ пристали и печаль и гнѣвъ». Изъ этихъ хотя не совсемъ ясныхъ намековъ видно также, что Василій желалъ обширной переписки сколько для удовлетворенія естественнымъ стремленіямъ дружбы знать о жизни и состояніи людей намъ душевно преданныхъ, столько и для того, чтобы имѣть какъ можно больше свѣденій о современномъ состояніи церквей, и по мѣрѣ этихъ свѣденій принимать тѣ или другія мѣры для благоустройства дѣлъ церковныхъ въ самыхъ отдаленныхъ отъ него краяхъ. При этомъ, если писали къ нему софисты, люди извѣстные по своему краснорѣчію, онъ тщательно наблюдалъ и за совершен-

ствами языка и за красотою слово-выраженія, чтобы ни въ чемъ не уступать тѣмъ, которые пріобрѣтали себѣ особенную славу своимъ красно-рѣчіемъ.

Въ семъ отношеніи особенно замѣчательна его переписка съ Ливаніемъ, къ которому онъ не преставалъ питать дружескую пріязнь и послѣ того, какъ пересталъ быть его ученикомъ и превзошелъ его успѣхами въ словесности; въ знакъ искренности этого расположенія онъ посылалъ Ливанію и нѣкоторые подарки, на примѣръ триста длинныхъ брусевъ на какую-то постройку. Кто только изъ его соотечественниковъ или знакомыхъ изъявлялъ желаніе учиться словесности, Василій всехъ убѣждалъ брать уроки въ этой наукѣ у Ливанія и съ надеждою поручалъ этихъ искателей образованія вниманію и заботливости Ливанія. При этомъ Василій просилъ иногда у Ливанія для прочтенія рѣчей его, за которыя особенно прославляла молва этого ритора. Такъ онъ просилъ у Ливанія рѣчи о чловѣкѣ своемъ, которую слушать приходили и носившіе на себѣ бремя власти, и отличавшіеся въ воинскихъ спискахъ, и занимавшіеся руководѣльнымъ искусствомъ и даже женщины; сверхъ сего не разъ выговаривалъ Ливанію за его молчаніе, и не разъ хвалилъ самыя краткія его письма. Вотъ остроумное сравненіе письма Ливаніева съ розою: «охотники до розъ, какъ и свойственно любителямъ красотъ, не изъявляютъ негодова-

нія и на шипы, среди которыхъ вырастаетъ цвѣтокъ, но даже еще говорятъ, что природа колючими шипами въ срывающемъ цвѣтокъ раздражаетъ болыше къ нему вожделѣніе. Что же значить это упоминаніе о розѣ въ письмѣ моемъ? Конечно нѣтъ нужды толковать это тебѣ, который помнишь собственное свое письмо; оно было точно розовый цвѣтокъ, въ своемъ сладкорѣчїи развернувшій предо мною цѣлую весну; по какъ иглами укололо меня нѣкоторыми упреками и обвиненіями. Впрочемъ въ удовольствіе мнѣ и шипы твоихъ писемъ. Они воспаляютъ во мнѣ болыше желаніе твоей дружбы». Не менѣе замысловато жалуется Василій и на молчаніе Ливанія: «Не часто писать къ твоей учености, говоритъ онъ, убѣждаютъ меня страхъ и невѣденіе. Но что избавить отъ упрека тебя, который упорно хранишь молчаніе? Если кто разочтеть, что ты, цѣлую свою жизнь посвятивъ словесности, лѣнишься написать письмо, то скажетъ о тебѣ, что забылъ ты меня. Ибо у кого за словомъ дѣло не стоитъ, тому есть что и написать, а кто владѣетъ симъ дарованіемъ и молчить, тотъ очевидно дѣлаетъ сіе или изъ презрѣнія, или по забвенію. Но я за твое молчаніе воздаю привѣтствіемъ» (п. 330.)...

Столь нѣжный и пламенный въ дружбѣ, Василій былъ весьма прїятный собесѣдникъ и въ обществѣ. «Если бы кто былъ, замѣчаетъ Григорій Богословъ, не говорливъ, не шутливъ, не

охотникъ до собраній, и для многихъ не нравился тѣмъ, что не всѣмъ для всѣхъ угождаетъ, что изъ сего? Развѣ иной станетъ винить и льва за то, что смотреть не обезьяной, а грозно и царски; но если бы кто сталъ искать въ Василии и этихъ свойствъ, то я не знаю, кто былъ столько пріятель въ собраніяхъ, кто могъ увлекательнѣе его бесѣдовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, похвалы до потачки, и въ томъ и другомъ избѣгать неумѣстности. Таковъ былъ Василій по своимъ душевнымъ нравственнымъ качествамъ! А по внѣшнему виду это былъ старецъ изнуренный не столько лѣтами, сколько заботами, съ раннею сѣдиною, съ лицомъ блѣднымъ и обросшимъ волосами, въ походкѣ тихій, въ рѣчахъ медленный, необычайно задумчивый и часто углубляющійся въ себя, но чуждый угрюмости. Были и такіе почитатели Василія, которые думали, говорить Григорій Богословъ, самые тѣлесные его недостатки обратить для себя чрезъ подражаніе въ средство къ славѣ, но по причинѣ неискуснаго подражанія, дѣлались угрюмыми и становились изваяніями, представлявшими только тѣнь Васиіеву, и нельзя даже сказать, что были эхомъ Василія: у него и не обдуманное было драгоценнѣе и замѣчательнѣе того, что другіе дѣлали съ великимъ усиліемъ». Такъ былъ неподражаемъ во всемъ Василій для своихъ современниковъ.

Преданность къ нему паствы была безгранична. Она ясно обнаружилась между прочимъ въ томъ, что многіе, по свидѣтельству Григорія Богослова, ставили себѣ въ великую честь, если имъ случалось или близкими быть къ Василию, или прислуживать ему, или замѣтить на память что либо имъ сдѣланное и сказанное иногда даже въ шутку. «И самъ я, говорить о себѣ Григорій, неоднократно хвалился этимъ». Но еще яснѣе высказалась любовь къ Василию его паствы и готовность жертвовать за него своимъ благосостояніемъ, при защищеніи его предъ начальникомъ Понтійской области. Неизвѣстны, въ какой годъ жизни Василія случилось это событіе, но обстоятельства его стоятъ упоминанія, тѣмъ болѣе, что онѣ рассказаны Григоріемъ Богословомъ (въ похл. словѣ.).

Какой-то знатный и сильный человѣкъ преслѣдовалъ также знатную вдову, принуждалъ ее вступить съ нимъ въ бракъ. Несчастливая, твердая въ своей рѣшимости не вступать въ 2-й бракъ, бросилась въ храмъ въ надеждѣ воспользоваться правомъ убѣжища. Василій конечно предвидѣлъ, что изъ этого выйдетъ, но, какъ для вѣры, такъ и для исполненія дѣлъ человѣколюбія, всегда готовъ былъ пожертвовать собою. Поэтому, какъ блюститель церковныхъ правъ, онъ объявилъ молодую женщину подъ своимъ покровительствомъ. Областеначальникъ требовалъ ее къ себѣ, а доблестный архипастырь никакъ не соглашался

выдавать. Первый выходилъ изъ себя. Наконецъ, чтобы опозорить Василія, послалъ нѣсколькихъ чиновниковъ обыскать его опочивальню, и по обыскѣ требовалъ его самого къ допросу, какъ одного изъ осужденныхъ. Василій явился, а областеначальникъ предѣдалъ исполненный гнѣва и высокомерія. Онъ приказывалъ Василію снять съ себя мантию. Святитель сказалъ: если хочешь, скину предъ тобой и хитонъ. Онъ грозилъ архипастырю побоями; а Василій приклонялъ уже вѣно. Одинъ грозилъ строгать когтями. Другой отвѣчалъ: «такими терзаніями окажешь мнѣ большую услугу, ибо уврачуешь мою печень, которая много беспокоитъ меня». Дѣло было гласное. Весь городъ узналъ о несчастіяхъ знатной вдовы, сострадалъ, негодовалъ на префекта и хвалилъ Василія. Когда же услышали, что архіепископу грозятъ пыткой,—все одушевилось однимъ чувствомъ гнѣва, весь городъ пришелъ въ волненіе и, какъ рой пчелъ встревоженный дымомъ, сбѣжался изъ разныхъ мѣстъ; всѣ сословія и всѣ возрасты и особенно оружейники и царскіе ткачи, немедля явились для защиты. Все для cadaго стало оружіемъ. У кого пламеники въ рукахъ, у кого занесенные камни, у кого поднятыя палки; у всѣхъ одно направленіе, одинъ голосъ и общая ревность. При такомъ воспламененіи умовъ и женщины не остались безоружными: — у нихъ ткацкія берды служили вмѣсто копій и ихъ ревность превратила въ му-

щинъ. Кратко сказаль, заключаетъ св. Григорій, тотъ считался у нихъ благочестивѣе, кто первый возложилъ бы руку на умыслившаго дерзость противъ Василя. Послѣ сего строгій и дерзкій судія сталъ жалкимъ, бѣднымъ и самымъ смиреннымъ просителемъ. И только ходатайство Василя и сила нравственнаго его вліянія на народъ могли сохранить жизнь и благосостояніе наглаго обидчика. Такъ искренна и пламенна была любовь кесарійцевъ къ святому Василю.

Архимандритъ Порфирій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу: www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru